

[Polaris]

Вениамин
ТРОЯНОВ

ПЕРВАЯ СХВАТКА

Советская авантюрно – фантастическая
проза 1920 – х гг.

Том XXXI

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLXXXV

Salamandra P.V.V.

**Вениамин
ТРОЯНОВ**

ПЕРВАЯ СХВАТКА

Советская авантюрно-фантастическая
проза 1920-х гг.

Том XXXI

Salamandra P.V.V.

Троянов В. И.

Первая схватка. Сост. и подг. текста А. А. Степанова (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Т. XXXI). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 157 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLXXXV).

«Первая схватка» — залихватская шпионская повесть колоритного писателя-анархиста В. И. Троянова о поисках белого агента в красноармейском штабе и приключениях красного разведчика в стане белых. В издание включена также автобиографическая пьеса Троянова «Хризантема» (1912) о роковой любви в эпоху модерна и воспоминания о Троянове.

ПЕРВАЯ СХВАТКА

(Из записок пекаря Лисичкина)

[illegible]

МИР *242 нз.*

РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

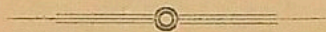

ЖИЗНЬ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

ПЕРВАЯ СХВАТКА.

(Из записок пекаря Лисичкина).

Текст ИВАНЫЧА.

МОСКВА.
УИОЦКВЕРПВН.
1922.

I

СЛЕД ШПИОНА

Итак, у нас в красном штабе был шпион!..

Сомнения не оставалось никакого. Подряд, в течение десяти дней, проваливались один за другим придуманные нами сюрпризы белым.

Предполагалось захватить белогвардейский транспорт около деревни Листвяны, взорвать железнодорожный мост в тылу белых через реку Каменку и, наконец, захватить в плен штаб 6-го белогвардейского кавалерийского отряда.

Все эти три операции должны были быть выполнены без всякого риска, наверняка, так как заранее были учтены все условия.

И вдруг — все провалилось!..

Я сидел у себя в кабинете, когда мне были поданы последние сводки — наши и белогвардейские.

Из сводок я увидел, что красные партизаны т. Щеткина напали при налете на штаб 6-го отряда на засаду и все поголовно были уничтожены.

Таково было сообщение последней белогвардейской сводки, которые мы вообще получали так же регулярно, как и сами белые.

У нас дело разведки, я могу с гордостью сознаться, в этом отношении было поставлено прекрасно.

Я вертел в руках листок сводки, прочитывал ее раз за разом, стараясь понять что-нибудь между строк, найти какие-нибудь новые слова, объяснение нашей неудачи.

Знаменательны были слова:

«Как и следовало ожидать...»

Все три операции, в том числе и план тов. Щеткина, выработывались и обдумывались только командармом т. Петровым, мною — членом Ревсовета армии и начальником штаба тов. Хозовым. Кроме нас троих, в эти планы, конечно, посвящался поочередно тот предводитель отряда партизан, на которого возлагалось непосредственное выполнение опе-

рации. Причем каждый из них знал только о своем деле.

И вдруг — слова:

«Как и следовало ожидать...»

Значит, даже главный штаб белых знал заранее о наших операциях, заранее известил штаб 6-го отряда, и начальство транспорта, и охрану моста, и там заранее были устроены засады!..

Черт возьми!.. Вся дальнейшая наша боевая работа будет сведена к нулю. У нас в штабе оказался шпион!

Кто же? Каким образом он получает такие секретнейшие сведения? Как он их передает? Каким образом так быстро попадают наши секреты в главный штаб белых?..

Прежде всего, у меня явилась догадка, не включились ли белые в наш провод. Ведь это часто практиковалось и у нас, и у них.

Но это не могло быть. Только о первой операции с транспортом была дана соответствующая телеграмма нашему начдиву, против фронта которого и должно было быть отбитие транспорта. Об этом необходимо было его информировать, чтобы он был наготове. Но эта телефонограмма была зашифрована секретнейшим шифром, известным в штабе дивизии только двум товарищам — начдиву и начштаба дивизии.

О второй и третьей операции никому никаких сообщений не давалось.

Кроме нас троих и начальника партии, решительно никто не знал. Я отбросил всю текущую переписку, донесения, телеграммы, сидел, курил и думал.

II

НЕРАЗРЕШИМАЯ ЗАДАЧА

Кто же шпион? Кто?..

Мысленно перебирал состав нашего штаба. Достал было анкеты всех сотрудников штаба. Они были у меня всег-

да под рукой в ящике письменного стола.

Состав нашего штаба: тов. Петров. Мой начальник и мой старый друг и товарищ по партии, бывший путиловский рабочий, отбывавший при царизме каторгу и ссылку, один из виднейших работников в революции, в настоящее время — командарм, краснознаменец — гроза и жуть всех белогвардейских генералов. От одного имени тов. Петрова у золотопогонников душа убегала в пятки.

Второй — я, Лисичкин. Старый большевик-пекарь, еще мальчишкой, учеником пекарни, я ушел в революцию, в 1905 году дрался на баррикадах, эмигрировал, работал пекарем за границей — в Константинополе, в Париже и в Лондоне и только с 17 года возвратился в Россию, принявшись с жаром за революционную работу. Недавно я был мобилизован партией и назначен сюда членом Ревсовета армии.

Третий — тов. Хозов. Наш начальник штаба. Еще молодой сравнительно человек, лет 26-27. Бывший прапорщик, но имеющий огромный революционный стаж. Он в 17 году определенно встал на сторону пролетариата, был первым красным комендантом одного из крупных городов на юге, затем там же, на южном фронте, арестовал весь офицерский съезд, за что и был приговорен к смерти, скрылся, будучи разыскиваем офицерским союзом, бежал, был опознан, арестован, ждал расстрела, снова бежал, жил в подполье до октября 17 года, а затем, в ноябре, дрался во главе значительного отряда красногвардейцев, им же самим сформированного. Со своим отрядом он взял несколько городов и организовал в них первую власть советов. Назначенный к нам начальником штаба, он сразу зарекомендовал себя лояльнейшим и преданнейшим работником революции. Он был дорог нам, как стратег-самородок.

Затем шли остальные сотрудники штаба.

Я хотел было еще раз проштудировать их анкеты, но бросил. Это было бы совершенно бесцельно.

Знали только мы трое.

Я окончательно стал в тупик.

Знали только мы трое!..

Проклятые строки — «как и следовало ожидать»!

Эх я, простота! Я даже привскочил. Не у нас в штабе, а в штабе белых, в их главном штабе надо искать начало нитей от шпионского клубка. Да! Там и только там! Достаточно узнать, как они получают наши секретнейшие сведения, а затем можно будет выяснить, кто им дает этот материал, кто шпион.

III

К БЕЛЫМ В ГОСТИ

Решено. Я должен отправиться к белым. Только я, и никто другой. Слишком неотвратима, слишком очевидна та огромная опасность, которая грозит нашему делу. Шпион! Шпион — в самом сердце, мозгу красного штаба!

Я встал и направился в кабинет к тов. Петрову.

Мы столкнулись с ним в дверях. Он шел ко мне.

Я показал ему белогвардейскую сводку. Говорить с ним мне пришлось недолго.

— Знаешь, Вася, — сказал он, — я не Пинкертон, не Шерлок Холмс. Мое дело бить белых, бить и бить. Ты первым открыл шпиона. Ты член Ревсовета. Тебе и книги в руки. Действуй в интересах революции и никаких. Одобряю и соглашаюсь заранее.

Никаких приказов о моем отъезде решено было не отдавать, никого не извещать в интересах конспирации.

— Я буду тебя ждать, — говорил Петров, — когда сделаешь все, приедешь, доложишь. Вот и баста! Закуривай!.. Когда едешь?..

— Сегодня... Сейчас... Как и каким образом — покажут обстоятельства. Главное — еду! До свиданья!

— До свиданья, братишка! Счастливо!

Мы поцеловались. Я вышел из штаба.

Всякому, знакомому с положением дел на гражданской войне, хорошо известно, что перейти боевой фронт, — перебраться с одной воюющей стороны на другую, забраться в

чужой тыл не представляет особых затруднений. Гражданский фронт не есть непрерывная линия окопов, укреплений, застав. Только в боевых местах, главное, по коммуникационным линиям, вдоль железнодорожного полотна, вдоль больших судоходных рек имеются заслоны, смычки, фронты. Отдаляясь от фронта вправо или влево, вы всегда можете попасть в такую местность, где нет ни той, ни другой воюющей стороны. В эти «нейтральные» местности являются поочередно то белые, то красные, иногда уходят далее, иногда остаются здесь в виду стратегической важности, иногда здесь возникает новый фронт, а иногда и сами жители не знают, «чи они красные, чи они белые»!..

Я, осведомленный одинаково с расположением наших и белогвардейских частей, знал, что севернее нас верст приблизительно на 200 попадают деревушки, где ни красных, ни белых нет. Туда я думал и направиться, а оттуда обратиться в штаб белых. От этих деревушек было около 40 верст до ст. «Омулево» — крайнего пункта железнодорожной линии, находящейся в зоне белых и ведущей в гор. Тайгинск, где и был штаб действующей против нас белой армии.

Я мог бы, конечно, направиться прямо через оба фронта и, конечно, меня пропустили бы наши заставы и <я> мог бы сразу очутиться у белых. Но не решился.

Не потому, что это было более рискованно. Я тут выигрывал во времени, но потому, что здесь меня знала в лицо красноармейская масса и появление мое на передовой линии, а затем и переход через заставу вызвал бы наверняка разговоры среди товарищей красноармейцев. Эти разговоры смогли бы дойти случайно до населения. От них — до белых.

Я пришел домой, тщательно обдумал первоначальные шаги, собрал, что считал необходимым... а через полчаса штабной «Мерседес» мчал меня на север по отличному шоссе. Шофером был мой старый приятель-механик, с которым мы давно жили душа в душу и который не раз спасал меня во всех случаях боевой жизни. В нем я был уверен, как в самом себе, но и он знал только, что меня надо довести до

определенного пункта и потом ему надлежало возвратиться в штаб и быть немым, как рыба...

Ровно через 48 часов после получения в штабе белогвардейской сводки к ст. «Омулево» подошел солдатик-инвалид на костыле... Вместо левой руки у него болтался пустой рукав с приколотым на нем замусоленным Георгием.

Инвалид побродил по станции, узнал, когда уходит поезд в Тайгинск и подсел к группе кондукторов, которые с сундучками вышли принимать поезд.

Когда подали состав, инвалид явился к коменданту станции и, предъявив свои документы, получил разрешение сесть на поезд.

В документах было сказано, что калека-инвалид, возвратившийся из германского плена, пробирается к себе на родину, в город Тайгинск.

У инвалида оказались деньжонки и обер-кондуктор милостиво разрешил ему сесть в служебное отделение.

Инвалид расщедрился на бутылку монопольки и был принят бригадой, как родной. Только из себя был не очень разговорчив: «Еду, мол!.. Кого-то найду дома? Шесть лет не был!»

Однако, за компанию стаканчик пропустил...

IV

У «ПЕКАРЕЙ»

Я приехал в Тайгинск рано утром. Светало. Расспросив, как пройти на главную улицу, я тихо заковылял.

Идти, конечно, было очень трудно; с одной стороны, непривычный костыль, с другой стороны погнутая в коленке нога с подвязанной культяпкой.

Все эти принадлежности я приобрел в нейтральной местности у калеки-пастуха, дав ему компенсацию в виде старрой николаевской рублевки, которой он был несказанно доволен.

— Милостыню, что ли, подстреливать хочешь? — спросил меня любопытный старикашка.

— Угадал, дедушка! Хочу походить, посбировать. Калеке-то скорей подадут!

Старый Георгиевский крест я нашел как-то в избе, еще давно, и он все время валялся у меня. Теперь, нацепив его, я еще крепче законспирировал себя инвалидом мировой войны.

Я знал, что в Тайгинске существовала до сих пор наша не проваленная организация еще с 17 года. Центром организации являлась пекарня на главной улице города, пекарями и хозяином которой были наши товарищи-коммунисты. Из этой пекарни шли красные шупальца по всей белогвардейской округе. Здесь собирались все сведения, составлялись листовки, отсюда шли прокламации. О существовании красной организации в Тайгинске, конечно, знали все — прокламации нет-нет да появлялись в стенах города. Власти искали гнездо большевиков, но найти не могли. Тайну пекарни знали немногие даже из нас, партийных. Я лично узнал о пекарне только от нашего начальника Особого отдела, который как-то в докладе упомянул об этом в связи с побегом из белогвардейской тюрьмы нашего разведчика.

Сам я в Тайгинске не бывал никогда и потому мне приходилось спрашивать дорогу.

Дошел. Вот вывеска пекарни! Наконец-то я среди своих!..

Но выработанная привычка к конспирации сразу заставила взять себя в руки с того самого момента, как я очутился на враждебной мне почве. Я сразу подобрался, заставил себя почувствовать калекой, согнулся и тихо постучал в дверь пекарни.

Ведь я не знал наверняка, встречу ли там своих. Может быть, уже был провал.

Отворил дверь. Там уже шла работа. Пекарня была полна работающих пекарей. Я пошел и попросил калачика калеке-инвалиду.

— Подожди, братишка, пока не готовы! Отдохни, покури!..

Я присел. На меня за работой никто не обращал вни-

мания. Закурив собачью ножку, я присматривался к пекарям.

Вдруг я чуть не закричал от радости. Петька Мазепа! Петька, мой старый миляга-приятель еще по петербургской пекарне. Еще мальчишкой мы дразнили его «Мазепой». Он стоял теперь у печи и фехтовал подсадком так, как самый опытный фехтовальщик.

Еще секунда и я бы его окликнул. Но опять благоразумие взяло верх. Надо выждать. Вот Петька отставил подсадок и направился к выходу. Поравнялся со мной.

— Милый, — бросил я, — мне бы до ветру! Проводи, родимый!

— Пойдем, кавалер, пойдем!

Когда мы очутились на дворе, когда я, внимательно оглядевшись, убедился, что мы совершенно одни — я тихо бросил ему:

— Петька! Мазепа! Помнишь лиговский трактир?

Он присел, хлопнул себя по ляжкам и заорал:

— Дружище!..

Но тут я бросил костыль и единственной свободной рукой зажал ему рот, а затем, потеряв равновесие, покатился на землю.

— Ну и история с географией!.. — бормотал он, поднимая меня, а я наставительно ему названивал:

— Не ори, Мазепа!..

— Ну и Васька, и Пинкертон! Что отмочил?!

Напомнил он мне мою старую мальчишескую кличку, которой меня дразнили в детстве в пекарне, когда я постоянно таскал с собой книжки этих романов и однажды запек целую страницу Пинкертона в калач... После этого мальчишки меня прозвали Пинкертоном.

— Брось! Где говорить-то будем?

— Знай. Слушай да запоминай! Записывать долго!.. Возьмешь сейчас у нас горячий калач: и для видимости да и к чаю с дороги пригодится. Потом пойдешь по этой главной улице. Отсюда налево, да по левой стороне. Увидишь большой дом, № 23 — запомни. Войдешь во двор. Там в полуподвале будет дворницкая. Постучись. Выглянет такой се-

денький старичок. Скажи ему: «Я к барину Ивану Ефремовичу». Поведет он тебя наверх к самому купцу Ивану Ефремовичу. Высокий, белобрысый такой. Пробор до затылка и морда бритая. Если знакомого в нем не опознаешь — скажи, что ты «пекарь». Этот самый Иван Ефремович — наш как есть. Через полчаса и я там буду. Понял?

— Готово! Давай калач-то!

— Эх ты, ковыляга, иди уж!

V

НЕ ГЛАЗ, А ЗОЛОТО

Отыскать 23-й дом, найти седенького старичка-дворника и попросить его проводить к Ивану Ефремовичу не доставило мне много труда, зато я измучился со своей культяпкой, взбираясь по лестнице на второй этаж.

— Что, кавалер, чай, не привык еще с костылем-то?

— Привык-то привык, дедушка, да больно расхворался. Совсем ходить не могу...

— Наш барин Иван Ахремыч посочувствует... Он всем помощь оказывает, кого в больницу, кому деньгами. Сколько к нему народу приходит. Хотя и по заграницам жил, но простыми не гнушается. Вот недавно гошпиталь на свой счет оборудовал. Тоже благодарность от начальства получил...

Я слушал и мотал на ус. Добрались на второй этаж. Пошли на кухню. В дверях нас встретила кухарка, женщина лет сорока.

— Вы к барину Ивану Ефремовичу?

Опытное мое ухо сразу уловило интеллигентские нотки, но очень, очень незаметные.

— Да. Доложите. Лично к Ивану Ефремовичу...

Старик, сдав меня, отправился в дворницкую. Кухарка ушла с докладом. Я сел в ожидании на скамейку...

— Прсят вас обождать!.. Он только что встает... Не на-

лить ли вам чашку... — она внимательно взглянула на меня... — кофе? Может быть, вы устали?

— Приятно иметь дело с умным человеком, — пробормотал я и, смотря ей прямо в глаза, отчеканил: — Да, товарищ, я бы с удовольствием выпил стакан кофе!

— Я сразу почувствовала, что вы «пекарь»! Здравствуйте, товарищ! — Протянув мне руку, она прибавила: — Будьте спокойны: здесь все свои, — и я, и Иван Ефремович, и лакей, и кучер, и дворник.

Чем я могу ей ответить, как не крепким товарищеским пожатием?

— Берите ваш костыль. Я проведу вас в кабинет.

И я зашагал по апартаментам одного из самых шикарных особняков города Тайгинска. Единственная «вольная» нога моя утопала в мягком пушистом ковре.

Пока все шло прекрасно. Но вот мысль, которая сразу навязалась и засверлила мой мозг: «Как это так? Я пробыл “инвалидом” больше суток, меня видели сотни людей и ни у кого не явилось ни малейшего сомнения в моем инвалидном естестве, — и вот теперь в одну секунду эта женщина, этот товарищ, сразу раскрыла весь мой маскарад».

— Простите, товарищ, — обратился я к ней, — вы понимаете, что этот вопрос не простое любопытство, этот вопрос для меня чрезвычайно важный, — как вы открыли, что я не инвалид, а «пекарь»? Что меня выдало?

Она остановилась, проходя через гостиную.

— Я вам сейчас продемонстрирую. Посмотрите на себя в зеркало, да всмотритесь повнимательней. Ну, — видите?

— Ничего решительно не вижу! Лицо как лицо, обросшее бородой!

— Плохо смотрите! Видите значки от пенсне? Вы носили всю жизнь пенсне и только недавно сняли. Инвалиды пенсне не носят, а партийные работники сплошь да рядом.

Я посмотрел.

Она была права: два красных, едва заметных шрама красовались у меня по бокам переносицы.

— Вот так конспирация!.. — пробормотал я.

— Сейчас выйдет товарищ Иван Ефремович. Я вас про-

веду в комнату, где вы будете, как дома. Он придет туда же.

Она подняла портьеру, открыла незаметную маленькую дверь и пригласила меня следовать за собой.

VI

В КРАСНОМ ТАЙНИКЕ

Я вошел и осмотрелся.

Простая обстановка этой комнаты была полной противоположностью всему остальному дому. Стол, крытый клеенкой. Простые клеенчатые кресла, рукомойник, шкаф и кровать.

— Здесь, товарищ, сможете отдохнуть, как хотите. Это самое безопасное место в городе Тайгинске для каждого коммуниста. Я сейчас принесу вам кофе.

Отдохнуть!.. Я меньше всего думал об отдыхе!.. Дорога был каждая минута...

Когда я отпустил ремни на прикрученной ноге, то к своему ужасу почувствовал, что нога совершенно онемела. Неужели вместо работы мне придется действительно отдыхать и лечить ногу?..

— Вы ко мне, товарищ? Здравствуйте!..

Занятый своей ногой, я так и не слышал, как в комнату вошли.

Я оглянулся.

Сегодняшний день был для меня, очевидно, днем сюрпризов. Перед мной стоял товарищ Ефремыч, мой сожитель по комнате в Париже еще в 16 году. Он жил эмигрантом, учился в Высшей Школе, а я бегал печь хлеба в одну булочную на Монмартре. Не раз кормил его своими произведениями.

Мы расцеловались и... перешли прямо к делу. Ведь мы встретились не для воспоминаний...

— Ну, рассказывайте, в чем дело? Откуда и зачем вы к

нам пожаловали? — спросил меня Ефремыч так просто, как будто мы расстались с ним вчера.

— Я приехал сюда, товарищ Ефремыч, чтобы сделать вам всем здешним коммунистам хороший нагоняй за вашу работу, верней, за пробелы в вашей работе, — полусутоливо, полусерьезно заявил я.

— Не понимаю! объясните точнее, в чем наша вина, в чем ошибка?

— Ошибка ваша, то есть всех вас, здешних товарищей-коммунистов, в том, что вы, действуя во всех отношениях выше похвал, развив изумительно работу, сохраняя полную конспирацию и войдя в курс всех белогвардейских не только выступлений, но даже и замыслов, — проморгали одно важнейшее явление. От вас и от вашей организации мы вправе требовать большего и требуем.

— Точнее, дорогой товарищ!

— Точнее? Кратко: у нас в штабе Красной армии завелся шпион, который уже недели две как дает сведения сюда, в главный штаб белых, и вы, стоящие в курсе всего того, что делается в штабе белых, вы до сих пор не узнали — от кого, каким образом и какие сведения даются из штаба нашей армии в здешний белогвардейский штаб.

— А вы сами чего смотрите?

В комнату вошел «Мазепа»... Товарищ «кухарка» принесла нам горячий кофе и завтрак...

Через полчаса нами был выработан дальнейший план...

VII

АРЕСТОВАНА, А АРЕСТОВАННОЙ НЕТ!

Около 6 часов вечера того же дня генерал-майор Попелло-Давыдов, начальник штаба белогвардейского фронта, сидел у себя в вагоне, стучал кулаком по столу и орал так, что даже часовые, находившиеся снаружи вагона, подтягивались и старались стоять смирно...

Перед генералом стоял, вытянувшись, словно проглотивши красный штук, выхоленный, с вытаращенными глазами офицер-адъютант.

— Нет! Черт вас всех позадави! До чего додуматься? Арестовать без моего разрешения! Арестовать без моего приказа! Вы, поручик, узнавали, кто ее смел арестовать?.. Узнали?!..

— Так точно, ваше высокопревосходительство!.. То есть, никак нет-с! Не узнавал! То есть узнавал, но не узнал!..

— Что вы там еще бормочете? Узнавал!.. Не узнал!.. Говорите толком!.. А еще офицер! Кто ее посмел арестовать? Что это за дурацкая записка? Вы читали ее?..

Он схватил со стола скомканную записку и подал ее адъютанту.

— Читайте еще раз, да вслух!

— «Его высокопревосходительству, начальнику штаба генерал-майору Попелло-Давыдову.

Ваше высокопревосходительство, меня сейчас арестовало его благородие с контрразведки. Очень прошу ваше высокопревосходительство застоять меня, так как вы знаете, что я совсем невинна. Известная вам Лукерья Пуговкина, проводница вашего вагона № 4711»...

— Ну-с? Что вы скажете? Три часа тому назад она пошла за свечами. Вы тогда изволили где-то бегать!.. Да-с! А я читал газету. Да-с! Проходит час — ее нет! Другой — ее нет!.. Мне надо ехать в город и я не могу оставить вагон! И вас нет! Жду и вдруг какой-то болван приходит и дает эту дурацкую записку. Пока ее прочел, и его черти куда-то утащили! И спросить не у кого! Вы говорите, узнавали? Что узнавали?

— Согласно вашего приказания, звонил к начальнику контрразведки и передал приказание вашего высокопревосходительства освободить арестованную Пуговкину.

— Ну, а он?

— Он навел справки и сказал, что никакой Пуговкиной арестовано не было.

— Черт знает! Не может быть! У них у всех затылки не так затесаны! Арестовать без моего разрешения и потерять

аррестованную! Черт!.. Фу!.. Устал... Поручик, немедленно, сейчас же, сию минуту вызвать начальника контрразведки... Арестовать без моего разрешения!.. Мерзавцы!..

Прибывший к генералу начальник контрразведки ничем не мог успокоить его высокопревосходительство. Наоборот, еще более взбесил его, доложив, что не только Пуговкиной, но и вообще никакой девушки-проводницы в районе вокзала арестовано не было. Куда девалась Пуговкина — он совершенно не знал.

Отдышавшись и выпив несколько рюмок коньяку, генерал отдал приказ адъютанту затребовать срочно другого проводника.

— Но только проводника, а то проводницу они еще раз украдут. Дьяволы! А чтобы Лукерья Пуговкина мне была разыскана! Слышите, ротмистр? Может идти, без Пуговкиной не смейте показываться. Какая же это, черт подери, разведка, когда у начальника штаба среди бела дня пропадает проводник и разведка не может ничего узнать?

Начальник разведки печально протрезвонил шпорами и вышел. Адъютант стал писать требование на проводника...

VIII

КУДА НИ КИНЬ — ВСЕ КЛИН!

А около генеральского вагона мотался какой-то рабочий, видимо, слесарь из депо, с ящиком и инструментами. Он постукивал колеса соседних вагонов молотком, что-то завинчивал, перестукивал по буксам... Часовые не обращали на него внимания, так как из генеральского вагона шел непрерывный вопль и часовые боялись повернуться.

Слесарь перешел к вагону насупротив генеральского и стал подтягивать буксы.

Из окна вагона выглянул адъютант.

— Эй ты, братец! Вон тот, в блузе! Поди-ка сюда!

Рабочий оставил буксы и приблизился к окну.

— Ты из депо?

— Так точно, ваше благородие. Из депа слесарь. Вот буксы проверяю.

— Нарядчика, что заведует проводниками, знаешь?

— Так точно, знаю. Вижу на работе каждый день.

— Вот, отдай ему записку, да живо! Чтоб сегодня же, смотри, — не позднее вечера был прислан проводник его превосходительству.

Рабочий взял от адъютанта записку, собрал свои инструменты и зашагал в депо.

В конторе у нарядчика, распределявшего проводников, рабочий оглянулся и, убедившись, что в конторе ни души, кроме самого нарядчика, нет, подошел к столу и тихо сказал:

— Товарищ Соскин! Вот записка начальника штаба. Необходимо сейчас же отправить туда проводника, то есть не проводника, а только дать наряд и листок с фамилией и проводниковской книжкой. Туда в вагон должен отправиться с этими документами один из наших. Вам же придется быть начеку. Коли проводник наш провалится, вы должны сделать так, чтобы вы сами по возможности остались чистым. В крайнем случае, и вам придется отсюда давать ходу.

— Есть! — ответил Соскин, к слову сказать, бывший матрос со знаменитой «Авроры». — Проводников у меня налицо ни одного. Одни поразбежались, другие в командировках. Человек пять в больнице. Я вам дам наряд на имя, — он посмотрел в книгу нарядов, — на имя Василия Курносова. Он как раз недавно отправился, вернее, переправился на родину, в Москву. Наверное, уже там, в Советской России. Я выпишу наряд на его имя. Его никто почти здесь не знал. Только по книге числился. Если выйдет провал и меня спросят, то я скажу, что послал Курносова, а кто такой Курносов — это не мое дело. Проводник и проводник!..

IX

КУДА ПОДЕВАЛАСЬ ПУГОВКИНА

Когда около часа дня Лукерья Пуговкина направлялась к дежурному по станции за свечами для генеральского вагона, к ней подошел молодой, симпатичный такой офицер и очень вежливо спросил:

— Красавица, ты не проводница вагона № 4711?

Лукерья сказала, что да, проводница, вот иду, дескать, за свечами.

— Как фамилия и имя?

— Мое-то? Лукерья, а по фамилии Пуговкина.

Офицер посмотрел в какую-то бумажку и уже серьезно так сказал:

— Пуговкина, тебя надо арестовать! Я из контрразведки. Ты только не бойся. Вот, уже ревешь? Тебе ничего не будет. Хочешь, напиши записку своему генералу. Я сейчас же отошлю ее, а он распорядится тебя освободить. Это, наверное, контрразведка напутала и написала бумажку тебя арестовать. Ну, вот что! Пиши записку. Брось реветь!

Пуговкина, всхлипывая, нацарапала записку, а офицер взял эту записку, подозвал стрелочника из будки и строго так приказал немедленно отнести эту записку самому генералу. Теперь Пуговкина немного успокоилась. Генерал ее в обиду не даст. Как взяли, мол, так и отпустят. Только зря проканителют.

Около товарных пакгаузов стоял автомобиль, там еще сидел какой-то в военной форме. Офицер вежливенько подсадил Пуговкину рядом с собой и автомобиль помчался, только не в город, а куда-то по большаку.

Пуговкина забеспокоилась.

— Куда вы меня везете, ваше благородие?

— Главное, товарищ Пуговкина, успокойтесь. С вами ничего худого не сделают!..

Пуговкина индо вся обмерла: как это, сам господин офицер и назвал ее товарищем! Господи, мать святая Бого-

родица: «Товарищ Пуговкина!» У белых таперича за слово «товарищ» шомполами до смерти шкуру спускают, а тут ее, Лукерью Пуговкину, сам господин офицер товарищем назвал. Ну и дела! Лукерья совсем растерялась.

Недолго ехал автомобиль, только очень быстро. При переезде железнодорожной линии у шлагбаума машина остановилась. У переезда стояла будка.

— Товарищ Пуговкина, слезайте, приехали!

Пуговкина, ни жива ни мертва, слезла и покорно пошла вместе с двумя офицерами в будку.

Вошла, а там еще один сидит — третий. Сидит да улыбается. Как увидела Лукерья, что смеются, так ей сразу на душе легче стало.

Х

ПО-ХОРОШЕМУ

— Садитесь, товарищ!

Лукерья села.

— Слушайте внимательно. Отвечайте всю правду. Нам нужно, чтобы вы совсем больше не показывались никуда, ни в городе, ни на вокзале. Чтобы от вас и след простыл. У вас родные есть?

— Есть. Мать-старуха да братишка лет 15-ти, в деревне хозяйствуют.

— Далеко отсюда?

— Да отсюда по железной дороге ехать верст тридцать на станцию Калиновскую, а оттуда версты три пешком.

— Вот что, товарищ Пуговкина. Можете ли вы нам дать честное слово пролетария, рабочего человека, что отсюда прямо отправитесь домой и ни на вокзале, ни в городе, а тем более, в генеральский вагон не покажетесь? Должен вас предупредить, что так нужно. Понимаете? Нужно тем, кто сейчас ведет борьбу со всеми здешними генералами да барами. Понимаете? Вы газеты читаете? Прокламации на

станции видели? Знаете, что рабочие и крестьяне хотят прогнать всю эту белую шатию?

— А потом как же? Как же я обратно к генералу покажусь?

— А вам и показываться не надо. Живите, да, живите в деревне. Недолго еще здесь белым царствовать. Мы их отсюда живо прогоним. А как прогоним, так и живите тогда безо всякого страха. Захотите — опять вас проводником устроим, а то в совет депутаткой выберем.

Лукерья совсем свободно вздохнула.

— Согласна я! Конечно, согласна! Ежели, значит, мне около вагонов оставаться нельзя, так вы все равно меня прикончить за всяко просто могли бы. А раз по-хорошему говорите — верю и честное слово даю, что в вагон не возвращусь. Будет! Надоело там мне все до смерти! Обниматься всякий лезет. А как пьяные, так не приведи Бог! В купе лезут, да и сам генерал тоже. Мало к нему паскуд приходит! Согласна я! Пишите!..

— Да тут и писать нечего! Согласна и спасибо! Вот и все. А теперь отвечайте на вопросы вот этого товарища.

Лукерья обернулась ко мне.

— Товарищ Лукерья, давно вы в генеральском вагоне?

— Всего с месяц, как из уборщиц перевели. Прежде вагоны мыла.

— В чем ваши обязанности?

— Летом только за вагоном смотреть, подметаю, да вот куда пошлют. Да только это редко бывает. Вот за свечьми ходила.

— Кто прислуживает генералу? Денщики есть?

— Нет. Своего денщика генерал к жене отослал. Утром кофе ему с вокзала приносит официант. Обедать часа в два в собрание ездит. Машину подают. Ужинает когда в вагоне, ежели выпивку у себя устраивает, а то, почитай, все больше у самого главнокомандующего торчит, там и лопает.

— А как он проводит день? Что делает? Когда встает?

— Встает часов в одиннадцать утра. Потом с докладами приходят разные. В час сам с докладом идет. В два обедать едут. С 3-х до 5-ти отдыхают. С 5-ти адъютанту дела дик-

тует, а потом в карты или пить. Ну, это уж не до определенного часа. Когда и до утра. Вот и все...

— Вы в лицо всех знаете, кто у него бывает?

— Да почитай, всех!..

— Вот, видите эту фотографию?..

Я показал ей большую группу всего главного штаба. Фотография эта была поднесена Ивану Ефремовичу самим генералом при открытии госпиталя, который Иван Ефремович, как богатый купец, оборудовал на свои средства для раненых солдат... Между прочим, факт создания госпиталя страшно увеличил популярность Ивана Ефремовича среди белогвардейских властей.

— Вы здесь на фотографии узнаете, кого знаете?

— Вот это сам генерал-главнокомандующий. Вот начальник штаба — мой, значит. Вот адъютант. Вот начальник разведки. Вот по артиллерийской части. Вот анжинерный генерал. Вот интендант...

Я перенумеровал все физиономии этой «симпатичной» компании и записал их фамилии на обратной стороне фотографии.

— А где генерал держит бумаги и документы?

— Да почитай, все на столе да в ящике. А иногда просто и на диванах и на стульях. Не опасается!.. Я прибираю, мету вагон, так часто вижу. Надписи совершенно секретные, все равно так лежат. Прежде в ящики запирались, да генерал ключ потерял спяну, а второй так сделать и не успели, потому все открыто.

— А у вас какие ключи с собой есть?

— Вот ключ от вагона, да еще вот мой ключик от сундучка.

— А у вас в вагоне какие-нибудь вещи остались?

— Да всего ничего! Чайник да чашка, да полотенце, да хлеб, а остальное все, что на мне. Да у меня и не было ничего. Вот, что на себе — встала да пошла. Чистая пролетария!..

— Вот что, товарищ Пуговкина, скажите откровенно: денег вам не надо? Вы по-товарищески!..

— Нет, господа-товарищи, от вас денег мне брать негоже, хотя, по правде, у меня в купе за диванной спинкой рублей сто засунуты, ну, да Бог с ними, у меня рублей пять с собой есть! До дому доберусь, а там мне не надо!

— Мы сейчас дадим вам денег, сколько нужно вам на первое время, а с теми деньгами, что в вагоне, — каюк, пусть уж пропадают, некогда с ними возиться...

ХІ

ОДНО СПЛОШНОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ...

Девять часов вечера...

— Как твоя фамилия? — благодушно спросил генерал Попелло-Давыдов вновь присланного к нему проводника.

— Василий Курносов, ваше превосходительство! — отвечал ему я.

— Что же это ты, братец, такой измазанный, как черт из пекла? Хоть бы ты сажу с морды смыл, на ночь даже страшно с тобой говорить! Ишь ты, какой мазилка, весь в угле да в машинном масле!

— Сейчас только из депа, выше высокопревосходительство, спешил. Нарядчик говорит — бегим духом, чтобы сразу — одна нога здесь, другая там!

— Ага. Гм-гм. Хорошо. Сразу, говоришь — по-военному...

— Так точно, ваше высокопревосходительство!

— Давно в проводниках?

— Недавно, ваше высокопревосходительство! Все в депе работал...

— А до депо что делал?

— Пекарем был, ваше высокопревосходительство!

— Пекарем?!

— Пекарем, так точно-с! Булки пек, баранки, торты, печенья разные.

— Пекарем!.. Вот и отлично! И пирожки, значит, печь можешь?

— Могим за всяко просто, ваше высокопревосходительство!

— Да ты, братец, не проводник, а одно сплошное удовольствие! Ну, ступай! Да, забыл! На тебе денег. Завтра мне булку горячую подашь, а то из буфета черт знает что присылают!..

Я сбегал за кипятком, заварил чая и стал благодумствовать...

В вагоне было тихо. Так прошло около часа.

Кто-то постучал в вагонную дверь...

ХП

ОБО МНЕ ЗНАЮТ!..

Я пошел отворять и пропустил какого-то, видимо, иностранца в морской форме. Он был чем-то взволнован, потому что быстро пробежал мимо меня к генералу. Я постарался внимательно взглянуть ему в физиономию, но не успел закрепить в своей памяти черты его лица...

Громкий разговор заставил меня прислушаться...

Дверь моего купе была приотворена.

Разговор шел на французском языке.

Как эмигрант, живший в Париже около 3-х лет, я, конечно, хорошо понимал по-французски и слышал последующий разговор почти весь до одного слова.

— Генерал, — сказал гость, — неприятная новость! В голубятне поджог!

— Что вы говорите? Когда? Что сгорело?

— Пострадало несколько голубей-почтальонов. Около половины всей стаи. Сгорела сама станция. Остальных голубей успели вынести. Я приказал доставить их прямо к себе в комнату.

— Сейчас же распорядитесь восстановить вышку и оборудовать голубятню!..

— Все будет сделано. Я уже распорядился.

— Вы уверены, что это поджог?

— Умышленный?.. Нет! Загорелось внизу под голубятней у кучеров. Видимо, какая-то пьяная каналья курила и заронила огонь в сено.

— Фу! Слава Богу! Лучше не производить никакого следствия, чтобы не предавать огласке существование голубятни.

— Все-таки я думаю станцию перенести к себе и сделать ее в том же доме, где я теперь живу. Вы знаете, генерал, я переехал теперь на дачу. Милости просим! Живу в имении. Во дворце одного местного купца. В верстах 8-ми от города. Совершенно случайно меня с ним познакомили. Я ему жаловался, что недоволен городской квартирой и он предложил мне свою дачу. Я уже дня три как переехал, и теперь думаю и голубей и, конечно, все остальное перебросить туда же. Там гораздо безопаснее. Хозяин живет сам в городе.

— Я согласен, — сказал генерал. — Перевозите все и я к вам приеду в гости. Не хотите ли ликера или коньяка? Пойдите, я позову проводника. Он откупорит еще одну бутылку. Эй, ты, как тебя, проводник, забыл, как тебя зовут! Да, пекарь! Эй ты, пекарь! Буду звать тебя пекарем. Ну, пекарь, открой-ка нам еще бутылочку.

Я стал возиться около бутылки, стоя около них.

— Да, — продолжал гость по-французски, — я вам принес последнюю почту из штаба большевиков. Есть новости. К нам едет оттуда какой-то коммунист. Тут сказана его фамилия.

Он потянулся за бумажником.

— Что? — вскричал генерал.

— Что? — чуть было не закричал я и крепко стиснул бутылку в руках.

Мне пришлось сделать невероятное усилие, чтобы взять себя в руки. Необходимо было действовать стремительно, молниеносно и в то же время обдумывая каждый жест, каждое движение.

Я сделал вид, что у меня сломался штопор, и побежал в свое купе...

Среди необходимых предметов, захваченных мною в генеральский вагон, было несколько сонных порошков, которые по моему требованию тов. Ефремыч заказал и получил от нашего же доктора.

Открыв бутылку, я всыпал в вино один из порошков и через несколько секунд уже спокойно ставил бутылку на стол.

В это время генерал и его гость рассматривали какой-то небольшой клочок бумаги и не обращали на меня ни малейшего внимания.

Я, в свою очередь, тоже задерживался около стола, переставляя посуду, и тоже старательно изучал внешний вид документа, чтоб потом мне было легче его найти.

По виду это был сравнительно плотный блестящий белый прямоугольник размерами в игральную карту. Что там было написано, мне не удалось рассмотреть. Я ушел к себе, но, конечно, слышал весь дальнейший разговор, который продолжался по-французски.

— М-да. Зачем сюда едет этот Лисичкин? Как вы думаете, мусье? Интересно разузнать. Ваше здоровье!..

— Мерси! Совершенно не понимаю, генерал. Я вчера, когда проявил документ, сейчас же сообщил об этом предполагаемому визите начальнику контрразведки, чтобы он ожидал гостя. Но не знаю, что из этого выйдет. Оказывается, что в контрразведке нет ни фотографии Лисичкина, ни его примет. Я вчера же послал запрос туда, чтобы мне сообщили приметы Лисичкина или, лучше, прислали его фотографию.

— А если не пришлют? Позвольте вам еще рюмашку!..

— Мерси! Обойдемся! В контрразведке есть много старых агентов петроградской охраны и жандармских чинов. Наверное, кто-нибудь да знает Лисичкина в лицо. Он видный большевик. Мне это передавал сам начальник контрразведки. Мерси, это уже третья!

— Прощу! Что за счеты? Да, кстати, насчет фотографии. А когда вы покажете мне свои парижские коллекции? А здесь вы делали подобного рода снимочки, среди местных, так сказать, красавиц? — и генерал заржал, как застоялый жеребец.

— Как же, как же, генерал! И здесь снята мной целая коллекция, настоящий цветник! Милости просим! Приезжайте ко мне на дачу. Пр продемонстрирую с удовольствием!..

Я перестал вслушиваться в разговор, тем более что он становился все тише и тише.

Очевидно, порошки оправдывали свое назначение.

Единственно, теперь я боялся, что кто-нибудь войдет в вагон. Я вышел, затворил обе наружные двери вагона на ключ и заложил запасные задвижки. Если постучатся сейчас — скверно. Если позднее, то как-нибудь вывернусь...

ХІІІ

ПОЧЕРК КОМАНДАРМА

Когда я возвратился в коридор, в салоне у генерала была полная тишина. Я нарочно шел, громко стуча сапогами.

Занавески обыкновенно в салон-вагонах всегда опущены. Это своего рода правило вагонов всех важных персон.

Снаружи ничего не было видно, что делается внутри вагона и потому я действовал без всякой боязни, что за мной могут наблюдать...

В салоне и генерал и гость уже спали. Один, откинувшись на диван, другой — свесившись с кресла. Генерал храпел густым басом, а французишка издавал легкий свист и причмокивал губами.

Прежде всего я взял со стола бутылку. В ней оставалось около половины жидкости. Я вылил все до капли в уборную. Взял другую, нераспечатанную бутылку той же марки из корзины, стоявшей под письменным столом (генерал, очевидно, был человек запасливый и имел походный погребок), тоже откупорил, вылил и из нее больше половины в раковину, несколько капель пустил в первую бутылку, бросил первую бутылку на столе, а вторую с остатками вина поставил на стол.

Затем я приступил к выполнению своей основной задачи. Обежал глазами стол.

Роковой листок лежал тут же, залитый вином...

Я подошел и, не беря его в руки, наклонившись, рассмотрелся... Первый раз за всю свою жизнь я почувствовал, что у меня галлюцинация. Я так сжал руками свои виски, что чуть не потерял сознание от боли...

Рука командарма, рука товарища Петрова!..

Его почерк я узнал бы среди тысячи, миллионов почерков.

И этим почерком была написана предательская записка:

«18-го — четверг — Сегодня мой помощник т. Лисичкин отправился в гор. Тайгинск в штаб белогвардейского фронта».

Я впился глазами в белый квадратик. Размер документа — размер игровой карты. Плотность — картон или толстая бумага. Вид с блестящей поверхностью... Да это фотография!..

Фотографический снимок!.. Это не оригинал!

Вихрь мыслей, предположений, решений, планов закружился в моем мозгу.

Взять?.. Оставить?..

Да разве фотография с чего-нибудь есть доказательство? Разве нельзя снять фотографию с фальшивого почерка?.. Знаменитое дело Дрейфуса...*

* Много лет назад французская военщина обвинила гражданина Дрейфуса в шпионаже. Вместо самого документа, рукописи, была пред-

Но раздумье — гибель всего дела. Довольно! Решено! Оставляю этот документ на столе. Буду искать еще.

Я побежал к письменному столу. Горы наваленных бумаг. Ни один ящик не заперт на ключ.

Быстро, но не изменяя положения ни одной бумажки, я просматривал кипы документов. Названия мелькали перед глазами. Вот конверт с пометкой:

«Сводки красного штаба».

Наши сводки!..

Беру конверт, вынимаю бумаги. Целая колода карт-фотографий, как две капли воды похожих на роковой документ, лежащий на столе...

Да. Здесь все. И о «транспорте», и о «покушении на мост», и извещение об операции тов. Щеткина...

И вот последний документ, документ, послуживший причиной гибели тов. Щеткина, я решил взять.

Достаточно будет мне и одного этого документа.

Исчезновение одной бумажки из такой кипы, безусловно, будет незаметно.

Если проверка — ясен вопрос: почему взята одна? Если брали бы — взяли бы все. А одна, одна просто могла затеряться, быть заложена в другой конверт. Тем более, что все фотографии не перенумерованы. Наверное, и описи нет. По крайней мере, здесь ее не было.

XIV

ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?

Я вынул роковой документ, запрятал его, а остальное сложил в конверт сунул на прежнее место в самый нижний ящик стола.

ставлена фотография с *подделанного* почерка, а оригинала, конечно, не было (*Прим. авт.*).

Пошел к себе в купе... Опустился на диван.

...Два раза в жизни испытывал я страх смерти, два раза был в секундах от казни, но и тогда, я отлично это помню, не переживал такого ужаса, как в эти мгновения.

Где же то, что называется правдой?

Тов. Петров, краснознаменец, старый партийный работник — предатель революции!..

Как и кому я должен теперь сообщить об этом? Сообщить необходимо немедленно, каждую секунду его работа несет гибель делу Великой Революции. Неужели каждая буква, написанная им, несет новые потоки крови рабочих и крестьян, которые слепо верят каждому слову своего командира, слову, взгляду, жесту?

А что, если тов. Петров не виновен?

А если нельзя будет доказать его виновность? Ведь фотография — не доказательство! Она не может служить поводом, чтобы сказать ему приговор:

— Предатель!..

Нет, нет и нет! Надо искать! Искать еще. Надо до мельчайших подробностей выяснить все дело и только тогда сказать, объявить, обнародовать...

Предатель или не предатель?

Этот документ будет первым камнем большого здания, которое или задавит тов. Петрова, или будет построено не для него.

И руках у меня отправная точка. Генеральский вагон больше мне не нужен. Мне в нем делать больше нечего.

Надо вести расследование дальше... Но...

Как уйти отсюда?

Бежать? То есть можно даже не бежать, а уйти. Собрать свой проводниковский сундучок, отворить дверь и спокойно и бесследно потеряться во мраке ночи.

Нет! Нельзя! Уйди я сию минуту, сейчас, при такой ситуации, то белые сразу догадаются, что что-то неладно...

Сон. Исчезновение проводника. Сопоставят факты.

Пришел, опоил сонным зельем. Так, наверное, ему было нужно. Что-то, очевидно, делал в то время, когда вредные ему лица спали, а затем скрылся, боясь ответственности.

Будут тщательно осматривать салон. Проверять и просматривать все документы. Могут обнаружить и исчезновение одного документа. Может явиться подозрение... и вот здесь, наверное, последует извещение предателя, извещение того, от кого они получают красные секреты.

Результат — предатель скроется безнаказанно и необнаруженный...

Нет. Уходить рано.

Я остаюсь. Остаюсь пока! До завтра, до послезавтра. Когда пройдет первая горячка, скажусь больным и уйду в госпиталь...

А там...

Там снова за работу, за свое расследование...

XV

У БЕЛЫХ В ЛАПАХ

Я прилег и задремал. Усталость давала себя чувствовать. Где-то стучат. Сильнее, сильнее. Барабаны в наружную дверь. Просыпаюсь. Иду отворять.

В вагон вваливается пьяная компания.

— Что ты, мерзавец, пьян, как стелька? Стучались целый час!..

— Что тебе, уши заложило, дубина этакая?

Вся свора набросилась на меня с безобразной руганью...

Хорошенько не проснувшись, я не понимал, в чем дело и что-то буркнул в ответ...

— Как? Разговаривать еще? Скот! — кто-то злобно толкнул меня кулаком в лицо...

Я, не думая о последствиях, что есть силы хватил стиснутым в руке вагонным ключом первого от меня стоявшего в дверях вагона белогвардейца. Он кувыркнулся с подножки вагона и шлепнулся о землю.

Трое, стоявшие рядом со мной, схватили меня сзади и стали наносить удары...

— Пойдите! Пойдите! Пойдите! Я его сейчас застрелю, как собаку, — лез в вагон с окровавленной мордой мой «крестник».

— Нет! Это уже оставьте!.. — схватил его, как потом оказалось, генеральский адъютант... — Стрелять, застрелить... Подождите! Это еще успеют с ним проделать завтра! А сейчас это уже глупо. Во первых, стрельба, ночью, в генеральском вагоне! Рядом вагон главнокомандующего. Вы понимаете? Затем, конечно, и наш взбесится. Расстрелять, не доложив ему? Без его распоряжения? А потом, подумайте: пачкать вагон кровью этого прохвоста! Отдайте револьвер. Завтра все разберем. А пока его надо куда-нибудь посадить. Не вызывать же ночью патруль к генеральскому вагону из-за пьяной драки...

Вносились предложения, куда меня посадить, чтобы я не мог скрыться.

Сюда в уборную!..

Нет, в отопление! В отоплении нет окна!..

.

Я очутился в совершенно темном отделении, где стояла только угольная печь. Снаружи меня заперли задвижкой, шпингалетом.

XVI

В ОЖИДАНИИ РАССТРЕЛА

Только пробыв здесь несколько минут, я стал приходить в себя. Стал мыслить логически,

Этот глупый случай вдребезги разбивал весь задуманный мною план. Вся моя работа сводилась к нулю. Я должен был погибнуть и предатель оставался безнаказанным. Продолжал вредить.

Смерть? Смерть. Для меня, много раз сознательно рисковавшего своей жизнью, смерть была только концом работы, концом моей борьбы за то, чем я жил, ради чего боролся, что считал единственной целью жизни...

Борьба за счастье и за свободу трудовых мозолистых рук...

И вот теперь конец жизни, конец борьбы...

Я даже не успел добиться намеченной мною лично цели!..

Предатель остается необнаруженным!

Предатель будет продолжать вредить!

Предательство останется неотомщенным!

А завтра, завтра я доставлю всей этой белой сволочи огромное удовольствие. Будет устроена комедия суда, будет с хохотом вынесен приговор.

Неужели дать им возможность восторжествовать лишний раз?

Нет...

В моих руках есть средство лишить их этой радости.

Надо только мне самому решиться. Решиться предупредить их. Здесь же, сейчас.

Браунинг в потайном кармане всегда со мной.

Я потянулся за ним. Там же я нащупал и злосчастную бумагу — документ.

К черту минутную слабость духа! Я революционер. Я человек идеи. Человек долга.

Наш девиз — борьба и борьба до конца!

Могу ли я уничтожить всякую возможность сохранить, передать документ кому-нибудь из своих? Ведь мои товарищи завтра же узнают о моем аресте. Завтра же, без сомнения, приложат все старания войти со мной в контакт.

И тогда я передам им этот документ. Пусть другой продолжит мое дело. Пусть белые за удовольствие натешиться моей казнью заплатят хорошую цену.

Заплатят все-таки разоблачением своего наемника, заплатят все-таки лишением себя ценных услуг предателя!..

Сна не было. Мозг усиленно работал. Придумывал разные комбинации. При каких обстоятельствах придется завтра передавать записку относительно продолжения дела?

Что писать в этой записке? Какие упомянуть обнаруженные факты? Как передать документ?

Без суда, значит, не расстреляют. А суд — это значит, в моем распоряжении до расстрела минимум 24 часа.

За это время можно сделать многое...

У меня опять начинаются галлюцинации. По стене мелькнул светлый кусок.

Луна! Откуда это?

Я взглянул наверх...

XVII

ПОБЕГ

Среди пассажирских вагонов по российским линиям ходило и ходит до сих пор много особого вида вагонов старой конструкции с пристройкой вдоль крыши. Вагон показывает вид, как будто бы он с гребнем, с какой-нибудь нашлапкой.

И этом продольном гребне вагона проделаны узкие окна...

В этом салон-вагоне, оказывается, такая же надстройка и вот в отделении, где я нахожусь, проходит кусок этой надстройки с крышей, в стенах надстройки с обеих сторон окна, узкие, продолговатые...

Я смерил глазами пролет окна.

А ведь, наверное, у вагона да и вдоль всего состава генеральского поезда стоят часовые. Полезу — увидят. Рисковать.

Весь окровавленный и изодранный концами недовыбитых стекол, я выдрался на крышу вагона.

Действительно — по обеим сторонам вагона мерно ходили часовые.

Когда набежало облако, нашла тень, я пополз по крыше...

Спустился по гармонии, соединяющей вагоны состава.

Нырнул под вагон и огляделся. Один из часовых стоял от меня очень близко. Шагах в двадцати...

Вдруг он определенно направился в мою сторону... Ближе, ближе... Стал почти рядом с колесом, под осью которого я лежал.

— Свой, товарищ! Не бойтесь, — услышал я тихий голос... — Ползите под всем составом. У последних вагонов часовых нетути. Вылазьте и свободно идите к семафору. За мостом в лесочке машина стоит. Еще с вечера стояла. Там по очереди дежурят наши. Только, товарищ, можете ли ползти? Коли не в силах — тогда лежите. Что-нибудь сообразим...

— Поползу, товарищ! Спасибо!

— Счастливо!..

XVIII

НА «ДАЧЕ»

— Вы знаете, кто он такой?

— Мне рекомендовал его французский атташе. Говорит, что он один из побочных сыновей султана Абдул-Гамида... А может быть, и врет. Знаю только, что он страшно богат. Учился в Париже. Прекрасно говорит по-французски. Оригинал. Любит, как он говорит, поболтаться по свету. Сюда приехал только за тем, чтобы вместе с нашей армией войти в Москву. Правда — недурная фантазия? Сделать для этого тысячи верст. Только, говорит, за тем и приехал. Теперь ему в городе надоело и он захотел отдохнуть от всей суматохи у меня в имении. Вот я и привез его сюда. Вы не в претензии, что я нарушил ваше отшельничество?

— Помилуйте, я очень доволен.

На пятые сутки со дня выезда из своего штаба, часов в 11 утра, то есть спустя восемь часов, как я выдрался из генеральского вагона, я занял комнату рядом с французом, которого опоил этой ночью снотворным порошком.

В загородном доме товарища Ефремыча.

С тов. Ефремычем я условился, что он привезет все необходимое для наблюдения к 6-ти часам вечера.

После завтрака, около часа дня, товарищ Ефремыч вместе с французом умчались в город, а я стал знакомиться с расположением своего нового местопребывания.

Прислуга, между прочим, здесь была вся «нейтральная», кроме, конечно, камердинера-француза, союзника своего хозяина, но относительно него мы с товарищем Ефремычем условились.

Старый огромный дом, дворец. Парк. Конюшни. Усадьбы.

Недурно жил батюшка товарища Ефремыча. Думал ли старик, что его сын отдаст задарма, подарит с радостью делу революции все то, что деды и отцы скопили трудом праведным и несправедливым?

Посмотрел расположение комнат. Их было так много, что я и считать бросил. Да число их было мне неважно.

На всякий случай изучил их общий план расположения.

Все сосредоточивалось для меня только в четырех комнатах: столовой, гостиной и спальнях моей и французовой.

По расположению этих комнат выходило так, что моя комната по отношению к остальным являлась центральной.

Наружная стена моей комнаты с балконом и двумя окнами выходила в парк. Вторая внутренняя глухая граничила с комнатой француза. В третьей стене была дверь в большую столовую. Четвертая же, опять глухая, отделяла от меня гостиную.

Инструменты у меня были в ручном саквояже. Слуховые и наблюдательные аппараты должен был к 6-ти часам дня привезти товарищ Ефремыч.

Я, конечно, слазил и на чердак, тщательно осмотрел его, определил по глазомеру место потолков над моей ком-

натой и над комнатой француза.

Ползая по накату на чердаке, я наткнулся на целый склад старой рухляди, а может быть, и старинных ценностей, картин, ковров, оружия... Не удержался и извлек оттуда старинный турецкий кинжал — маленький ятаган. Он всегда мог при случае мне пригодиться, тем более что этого оружия у меня пока не было...

В 7 часов вечера уехал обратно в город товарищ Ефремыч, доставив мне все необходимое для моей дальнейшей работы. Он даже задержался минут на тридцать против назначенного срока ввиду того, что не успели доделать ключа от комнаты француза по посланному мной восковому слепку. Теперь и этот ключ был у меня в руках.

В 9-м часу прикатил с каким-то гостем и сам француз.

Они прошли прямо в гостиную.

Взглянув в отверстие, проделанное в стене, я стал сверяться с имевшимися у меня фотографиями местных шишек.

Установив, что приезжий был сам начальник контрразведки белогвардейского фронта, я стал слушать их разговор.

ХІХ

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

Беседа велась на русском языке. Очевидно, ротмистр, начальник контрразведки, по-французски не понимал ни бельмеса.

Француз говорил по-русски очень плохо, с сильным акцентом, коверкая русские слова...

Хотя они говорили о всяких пакостях, но мне волей-неволей пришлось их слушать, не упуская ни одного слова...

Довели речь до женских «примет»...

.
.
.
.

.
.
.
.
.
.
.
.

— Кстати, мсье, вы получили от красных сведения о приметах Лисичкина? Я уже поставил на ноги всю разведку. Жду его скорого прибытия.

— А разве вы уверены, что его пока еще нет здесь?

— Не имею ни малейшего сомнения. Он выехал к нам 18, по вашим данным, сегодня 22-ое, пятый день. Раньше недели ему не добраться. А если как-нибудь окружным путем, через глубокий тыл, так проедет и все дней десять, двенадцать...

— Вы правы. У вас точный расчет. Раньше быть он не может. Разве только, что прилетел на аэроплане. Но это фантазия!..

— Аэроплан не иголка, мсье. Опустится где-нибудь, — сразу станет известно окружному населению и, конечно, нам. Мы его и сцапаем... Хоп!..

— Сцапать, не зная примет, затруднительно. Сегодня получил оттуда почту — о Лисичкине пока ни слова, ни фотографии, ни примет. Наверное, со следующей okazji, дня через два-три получу. А у вас, ротмистр, в управлении не раздобыли его примет?

— Пока тоже ничего утешительного. Правда, оказался один старый петроградский агент. Когда я в приказе объявил о необходимости доставления примет Лисичкина, этот молодец лично явился ко мне с докладом и заявил, что хорошо знает Лисичкина в лицо. Он уверял, что видел Лисичкина, когда тот с балкона дворца Кшесинской говорил речи. Но я ему не верю. Убежден, что врет. Хотел просто выудить малую толику на дополнительные расходы. Пьяница, сукин сын!

— Подождите, ротмистр, два-три дня. Я уверен, что получу оттуда подробные сведения. Может быть, случайно в дороге погиб голубь, тогда будет ответ на второй запрос.

— А как вы узнаете, что голубь погиб и сведения не дошли? Как это можно проверить гибель голубя?

— Гибнет голубь — это неважно. Все застраховано. Вы удивлены, ротмистр? Очень просто: и от нас и оттуда каждый очередной голубь несет почту, всегда два негатива-сообщения, настоящее и предыдущее. Каждый раз два. Понимаете? Например, сегодня я посылаю фразу:

«Будьте на страже. Предполагается операция». № 19.

Прошлой почтой я извещал за № 18:

«Пересланы документы. Распорядитесь».

Посылается два сразу и № 18, и № 19.

Пропал № 17 — его получают вторично с № 18.

Пропал № 18 — его получают вторично с № 19 и так далее.

— А если голубя по дороге перехватят? Подстрелят или он сам сядет, не долетев до места? Попадет в сети? Обнаружат трубочки с негативами?

— И это застраховано. Они не проявлены. Понимаете: не проявлены. Только сделаны, — снят снимок. Всякий, обнаруживший у голубя трубочку с почтой, будет открывать ее, без сомнения, при свете солнечном или искусственном. Откроет, а там уже все пропало! Свет попал и конец! Только тот, кому предназначена почта, как знающий секрет, будет открывать трубочку при красном свете в темной комнате.

— Потому-то вы, мсье, и посылаете негативы-фотографии, а не подлинные документы?

— Это, конечно, одно основание. Другое — это, что негатив вообще удобнее исписанной бумаги. На миниатюрной пленке можно снять любой большой документ, а потом при помощи волшебного фонаря увеличить до каких угодно размеров. Третье — самое главное, что даже при обнаружении документа-фотографии нельзя установить, кто являлся автором документа. Ведь <это> только фотография... Итак, разглядывая, при помощи волшебного фонаря, увеличенный

документ, мы можем рассмотреть мельчайшую точку лучше, чем в микроскоп, тем более, что бумага обыкновенная и мнется и сыреет. Пленка — никогда.

. Сильный объектив с приспособлением снимает спичечную коробку на расстоянии 10 метров, так что все буквы затем можно рассмотреть, пропустив пленку через волшебный фонарь. Только такие аппараты очень редки... Ну, однако, как говорит ваша русская пословица: «Басня соловьев не кушает...» Уже пора! Мы пойдем ужинать!.. Да, кстати, ротмистр, я вас сейчас познакомлю с интереснейшим человеком. Знатный турок, говорят, сын султана. Путешествует по всему свету. Теперь приехал сюда, известен нашему атташе. Приятель здешнего негоцианта-хозяина. Вы, конечно, о нем слыхали?

— Да, да, конечно, слыхал. Как же! Помню! Говорили. Все хотел познакомиться. Искал случая...

Я невольно улыбнулся у себя в комнате. Начальнику контрразведки, видно, было стыдно остаться в дураках и сознаться, что он не знает о прибытии в город сына султана, хотя, быть может, и побочного или незаконного, кто их там разберет!..

Я решил оставить их в круглых дураках и окончательно забить им баки.

Сейчас ужин. Мгновение... и от слухового аппарата не осталось никаких следов. Все было замаскировано. Я лежал на диване и читал книгу...

В комнату постучались. Раздался голос француза:

— Простите, князь. К вам можно?

— Будьте любезны! Входите! Дверь не заперта.

Француз вошел в комнату.

— Не хотите ли поужинать вместе, князь? У меня гость...

— А я немного задремал. С удовольствием! Я сейчас, только освежу лицо одеколоном.

Я взялся за флакон. Француз вышел и столовую...

— Вы, мсье, так блестяще организовали дело в смысле помощи моей работе по контрразведке, что я уверен, что проклятый Лисичкин не вывернется из моих рук, если только осмелится появиться где-нибудь в сфере моей контрразведки...

Я стоял в дверях столовой и, окинув взглядом комнату и присутствующих, внимательно стал смотреть на ротмистра.

XX

«ЗАБИВАЮ БАКИ»

Прошло несколько секунд немой сцены. Я не сводил с ротмистра глаз и, радостно улыбаясь, шел к нему, раскрыв свои руки, как для объятий...

Француз смотрел на нас, вылупив глаза, а ротмистр сделал совершенно дурацкую морду...

— Дорогой друг! — заговорил я по-турецки, затем перешел на французский. — Какими судьбами? Ты здесь? Давно? Ну, — поцелуемся!

Я сделал ротмистру полное «турецкое» приветствие, и, будучи уверен, что ни один из них в жизни не видал никаких турецко-мусульманских приветствий, не стеснял своей фантазии в этом направлении.

Только подойдя к нему вплотную и прикоснувшись к нему, я сказал по-французски же:

— Неужели я ошибся? Какое поразительное сходство! Но, очевидно, вам незнакомы черты моего лица? Значит, и я тоже не имел чести быть знакомым с вами раньше? Но я клянусь бородой Аллаха и всеми гуриями Магометова рая, что вы похожи на моего друга шейха Уль-Расида, сына султана Мароккского, как одно и то же лицо. Мы с ним охотились в Белуджистане...

Ротмистр, очевидно, хотя и совершенно не понимал смысла моих слов, но делал чрезвычайно сладкую улыбку. Выражение его хари стоит у меня перед глазами и до сих пор, когда я пишу эти строки.

Снова несколько мгновений паузы...

Прервал ее француз:

— Князь, очевидно, принял вас за своего хорошего близкого друга, — по-русски сказал он ротмистру, а затем, уже обращаясь ко мне, по-французски спросил меня, могу ли я говорить с ротмистром на его родном языке.

Я кивнул головой и ломаным русским языком бросил:

— Понимаю все. Немного говорю, но вообще очень не люблю этот ужасный язык.

Началась церемония знакомства.

Француз назвал меня ротмистру по-русски, а его мне представил по-французски.

Я пробормотал несколько слов по-турецки, а затем продолжал по-французски:

— Очень, очень извиняюсь, но все-таки я не могу без волнения видеть черты вашего лица, полковник. Они так много напоминают мне хорошего из моей прежней дружбы к похожему на вас человеку. Для того, чтобы показать вам,

как дороги мне черты вашего лица, я сейчас же попрошу вас принять от меня скромный подарок... Я сейчас вернусь, а вас, — обратился я к французу, — прошу подробно перевести этому прекрасному господину все, что я сказал здесь и прошу предупредить его, чтобы он не смел и думать отказываться от того пустячного подарка, который я ему сейчас преподнесу. Пусть он знает, что этот подарок, эту вещь я несколько лет тому назад получил от человека, похожего на него — моего дорогого друга в горах Белуджистана.

Я важно отправился в свою спальню и, промедлив там несколько минут, вынес в столовую найденный мною на чердаке кинжал и с опять-таки церемонным поклоном «по-турецки», держа подарок почему-то на согнутых ладонях, поднес его ротмистру.

Ротмистр, выслушав перед этим от француза полный перевод моего предисловия, боялся от восторга дышать...

Я снова зафранцузил.

— Пусть этот кинжал будет для вас памятью, как был памятью мне о моем друге. Теперь мы кунаки. Пусть это мое стремительное желание одарить его, — сказал я, обращаясь уже к французу, — не покажется вам странным. У нас в Турции есть обычай одаривать всех друзей, которые нам очень понравились. Хотя бы встреченных и в первый раз...

— Прошу, князь! — пододвинул мне стул француз...

Ротмистр все еще стоял, как статуя, теперь уже с кинжалом в руках. Очевидно, не знал, куда его деть.

Я продолжал смотреть на него приветливыми радостными глазами, но абсолютно не говорил ему ни слова, чтобы вывести его из дурацкого положения «стояния с кинжалом».

На помощь ему пришел француз и усадил его за стол, положив кинжал рядом с прибором.

Начался ужин и, конечно, с выпивкой.

Ввиду того, что в этот вечер в вино не было подсыпано никаких пакостей, мы досидели ужин благополучно и никто не заснул.

Ротмистр надрался до положения риз и только присутствие высокого гостя, то есть меня, заставляло его держать-

ся с фасоном.

Ввиду того, что разговор за ужином велся только на темы, не входящие в круг моих заданий, и не имел никакого отношения к моей основной задаче, я приводить его не буду.

Итак, все шло мирно, тихо, как в хорошем доме.

Несколько раз француз и ротмистр закидывали удочку насчет желательности приглашения женского пола, но я обходил эти намеки или молчанием, или заявлением, что эту ночь я хочу спокойно поспать и ни на какие авантюры с женским полом не согласен.

К концу ужина француз и ротмистр определенно решили ехать в город к женщинам. Был вытребован из штаба автомобиль.

Повторяю, что все шло тихо, мирно. К концу ужина француз заметил, что давно не видит своего соотечественника-камердинера. Спросив у разносившего блюда лакея-русского, что с его слугой случилось, он услышал ответ:

— Так что Леон заболел. Животом мается. При гостях сказать неудобно. Блюет его... Часов с 9-ти схватило...

— Ик!.. Уж не холера ли? — сфантазировал спяну ротмистр.

Француз схватился, как подстреленный.

— Что? Холера? Это страшно заразительно! Разве есть случаи?

— Единичные. Хотя и молниеносные, — мычал успокаивающе ротмистр.

Я хотя и знал, что холера здесь ни при чем, что Леон, проплевавшись, завтра же будет опять здоров, не захотел вмешиваться в чужие дела и лезть с своими советами и предположениями.

В результате на пришедшей уже машине бедняга Леон был отправлен во 2-м часу ночи в больницу, а для гуляк был выслан другой автомобиль, на котором двое горе контрразведчиков укатили в город на разведку по женской части...

ВТОРОЙ ОБЫСК

Пробило 2 часа. Как и в генеральском вагоне, я временно стал полным хозяином. Даже в комнату соседа-француза я получил свободный доступ при помощи привезенных товарищем Ефремычем ключей.

Полезно всегда иметь воск для слепка замочной скважины, так как по слепку можно очень быстро выточить любой ключ. Это правило я знал, хотя был пекарь, а не слесарь.

В комнате у француза меня ждала «нечаянная радость»... Конечно, не икона, а... огромная связка ключей от письменного стола, оставленная вместе с карманной цепью...

Француз, доставая гостю свои парижские коллекции, сунул ключ в замок ящика, хотел сделать все побыстрее, ключ заел и он, отцепив от брюк цепочку со связкой ключей, ушел в гостиную, затем перешел в столовую, а затем уехал в город...

А ключи остались висеть у стола и, конечно, очень облегчили всю мою дальнейшую работу.

Желая оставаться правоверным турком даже наедине с самим собою, я вошел в комнату француза, сняв предварительно в своей спальне ботинки, а у самого входа французской спальни я сменил даже носки, надев совершенно новые, не бывшие в употреблении.

Ни на полу, ни на ковре чужой комнаты не должно было остаться ни пылинки.

.

Мне никто не мешал работать.

.

В 7-м часу утра я окончил осмотр всего того, что мне

было интересно. Комната была обследована так, что лучше нельзя. Больше делать здесь мне было нечего.

Забрав все то, что впоследствии могло пригодиться и иметь какой-нибудь значение для моей дальнейшей работы, я вышел, запер дверь и только тогда вспомнил, что я почти не ложился спать ровно двое суток, то есть с момента моего приезда в Тайгинск.

Забытье-сон в генеральской вагоне и часа полтора отдыха в доме у товарища Ефремыча, конечно, не шли в счет.

Я принял душ и лег спать.

.

Разбудил меня стук в дверь. Товарищ Ефремыч просил разрешения войти.

— Дверь не заперта. Входите, — сказал я намеренно громко, — я давно уже проснулся и просто не хочу вставать. Лежу. Все равно делать нечего...

Товарищ Ефремыч, входя в комнату, громко поздоровался со мной и, не захлопывая дверь, тихо бросил:

— Вы не в претензии, что я вас разбудил?

— Спасибо! — Я пожал ему руку. — Конечно. Правильно. Я не мог пересилить сна и, если бы не вы, то я проспал бы не столько, сколько должен был бы проспать человек, легший во 2-м часу ночи.

— Да. В нашей жизни, жизни неустанной борьбы, бессонные ночи подряд по несколько суток — чепуха, вещь, не стоящая внимания.

Затем снова, намеренно громко он продолжал:

— Так вы поедете?

— Конечно, еду с удовольствием.

— Помните. Сегодня в час дня. Вместе приезжайте. До свиданья.

Он протянул мне руку. В моей руке осталась записка. Он вышел.

В столовой слышался кашель и отфыркивание француза. Тот, очевидно, вместо утреннего кофе отпивался сельтерской...

Я развернул записку:

«Я, вы и француз сегодня завтракаем в “Эльдорадо” (лучший ресторан в городе). Время — час дня. Форма одежды парадная. Француз пригласил меня и вас. Видно, хочет отплатить торжественным завтраком мне за любезность и гостеприимство, вам в знак особого расположения к вашей персоне. Наверное, будет и кто-нибудь из высших военчинов. Прибудьте вместо с французом на его машине. Кстати, сообщаю: Леон здоров уже сегодня, но его еще дня два поддержат. Я говорил с докторами. Если нужно, то можно и дольше. Пусть полечится. Это ему невредно. В городе уже есть слухи о розысках Лисичкина. Будьте осторожны...»

XXII

ОПОЗНАН ШПИКОМ

— Виноват, господин, разрешите предложить вам пройти в контору...

Сказано по-русски.

— Что нужно этому болвану?.. — был французский вопрос.

— Я, именем закона, еще раз прошу вас пройти со мной в контору, в противном случае я вызову стражу. Вас выведут силой.

— Что это, дурак или сумасшедший? Что ему надо? Скажите ему, что я вовсе не желаю с ним разговаривать.

— Послушайте. Вы обращаетесь не по адресу, — обратился мой сосед по столику, француз, к подошедшему ко мне типу. Я сразу, конечно, почувствовал в нем сыщика.

— Что вам нужно? — продолжал говорить француз. — Князь никуда не пойдет и не желает вовсе с вами беседовать! Князь мой гость! Мы приехали сюда завтракать...

— А я все-таки прошу вас, и в последний раз, следовать со мной в контору, иначе я арестую вас в зале!

— Меня это страшно бесит! — продолжал я француз.

— Эта каналья мешает нам завтракать и портит мне аппетит. Очевидно, в этой стране такие порядки! Переведите ему, что я отправлюсь с ним, только не в контору, а к начальнику контрразведки, а вы, конечно, не откажете воспользоваться воспользоваться вашей машиной?

— Конечно! Пожалуйста! Я обязательно поеду с вами сам! Князь сейчас же поедет с вами лично к начальнику контрразведки, — упокоил француз агента.

Как только начальник контрразведки увидел меня, приведенного к нему в кабинет, он вскочил, пригласил меня сесть, лично подав стул, и, узнав, в чем дело, начал ругать агента самой отборной руганью.

Бешенству ротмистра не было пределов.

Агент твердо стоял на своем и определенно уверял и клялся всеми святыми, что я сам Лисичкин, что в сходстве не может быть никакого сомнения...

Я молчал и, откинувшись в кресле и сложив руки, смотрел на эту сцену, выражая своим видом крайнее негодование.

Француз, в свою очередь, кричал, что если князя не отпустят с извинением сию же секунду, то он лично поедет по всем иностранным миссиям и потребует моего освобождения.

В результате агент был с позором выгнан вон, а мы уже все втроем поехали продолжать завтрак...

За завтраком я усиленно напирал на свой арест.

— Ваш агент, полковник, уверяет, что я похож на какого-то Лисичкина... Что это — бандит или анархист? Я до сих пор был лучшего мнения о своей физиономии. В Монте-Карло меня все принимали за короля Альфонса и как-то раз портье-швейцар подал мне телеграмму на королевское имя. Когда через несколько дней я был представлен его величеству, то он очень смеялся и, подводя меня к зеркалу, сказал: «Вы подверглись бы большой опасности, ес-

ли б захотели обыкновенным смертным, как все, путешествовать по Испании. За вами обязательно бы охотились анархисты». Недурное положение! А, полковник? В Мадриде за мной охотятся анархисты, как на короля. А в Тайгинске меня арестовывают, как бандита или анархиста! Как вам нравится такая комбинация?..

Ротмистр и француз успокаивали меня, как могли.

— Я решил все-таки, господа, немедленно уехать из России. У вас не очень безопасно. Хорошо, что вы, полковник, знаете меня лично, знаете своих друзей. Всегда, через посредство любой миссии, вы можете установить мою личность, в крайнем случае, по радио запросить Стамбул. Около вас я в безопасности, но в любом другом месте... достаточно будет уверения какого-нибудь другого болвана, что я какой-то Висичкин или Мисичкин и меня — цап! Я решил ехать и потому прошу вас, полковник, хотя бы на эти дни приставить ко мне агента, а то меня будут приводить к вам каждый раз, когда и попадусь на глаза любому из ваших секретных агентов. Ведь им, наверное, розданы карточки разыскиваемого анархиста или бандита!..

Ротмистр и француз очень мило улыбались, когда один переводил другому мою просьбу.

Я всю предыдущую речь говорил, конечно, по-французски.

XXIII

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Заявив о своем быстром отъезде, я делал это не ради красного словца и не ради окончательного запутывания начальника контрразведки.

Я решил ехать обратно к себе еще с момента окончания осмотра комнаты француз.

Почти все данные у меня были уже в руках.

Определить, кто предатель, я уже мог там, у себя на ме-

сте. Но мне хотелось еще один-два вечера понаблюдать за французом, чтобы у себя в штабе меньше тратить времени на обследование и отрываться от своей прямой работы.

Если француз даст мне еще несколько данных, я, приехав, смогу сказать сразу, кто предатель...

Установив связь командарма или кого другого с голубиной почтой, можно будет даже вызвать по проводу Москву.

К столику подошел товарищ Ефремыч...

— Тысячу извинений — запоздал! Был у себя в новом госпитале. Открывали новый корпус для хирургических больных. На открытии присутствовал его высокопревосходительство лично и высказал мне благодарность...

Француз представил товарища Ефремыча начальнику контрразведки...

— А вот ваш друг князь хочет уезжать и все из-за моих агентов, — сказал товарищу Ефремычу ротмистр. — Уговорите его отменить свое решение. Даю слово, что его больше беспокоить не будут.

— В чем дело? Ничего не понимаю! Разве вы хотите уезжать? Вы были у нас всего лишь две недели.

— Да! Для меня Тайгинск потерял весь свой интерес, а жить на даче долго, конечно, не имеет смысла. Меня уже тянет в Европу.

Француз передал товарищу Ефремычу о моем аресте.

Он от души смеялся, особенно когда ротмистр добавил, что он обязательно прогонит со службы дурака-агента.

— Итак, — обратился я к Ефремычу, — дорогой друг, прошу вас устроить мне купе до Приморска; оттуда я сяду на какой-нибудь иностранный пароход...

— Да это очень трудно сделать! — отвечал он. — Все места в скором поезде расписаны чуть ли не на месяц вперед.

Ротмистр обещал свое содействие устроить мне купе в одном из следующих поездов.

Я, конечно, благодарил его.

...Завтрак кончился. Мы стали прощаться.

Француз и ротмистр поехали к начальнику штаба, а я и товарищ Ефремыч пошли пешком по главной улице...

Товарищ Ефремыч свою машину отпустил домой.

— Вы, значит, едете обратно?

— Все закончено почти. Могу ехать хоть завтра. Напрасно вы отпустили машину, я бы хотел поскорее попасть домой. Не надо оставлять француза в доме одного. Ведь я преднамеренно не запер комнату на ключ. Француз стоял в столовой и должен был видеть это. Хотя он будет знать, что я не считаю нужным запира́ть комнату, но все-таки... возвратившись, может влезть туда. Нельзя давать ему ни одного шанса — намек на подозрение...

— Будьте спокойны! Когда вас везли в контрразведку, от меня сейчас же пошла машина на дачу отвезти газеты, почту, а кстати и печника, который должен был осмотреть в вашей комнате печи. Машина пришла обратно, а печник исправляет печи... до вашего возвращения. Он парень очень толковый.

— Правильно!

— Как же иначе! Я не ожидал, что с вашим арестом выйдет такой фарс...

А когда я подробно рассказал товарищу Ефремычу сцену в кабинете, он хохотал так, что даже прохожие обратили на нас внимание.

Мы дошли до его дома и прошли в официальную его часть, роскошную гостиную...

— Ротмистр может вам помешать со своей медвежьей услугой — достать купе. Вам придется проехаться до Приморска...

— Ничего подобного! Я потеряю зря только минут пятнадцать. Войду в купе. После второго звонка, когда останусь один, переоденусь носильщиком и после, на тихом ходу, спрыгну на другую сторону от перрона. Хватятся меня не раньше, <чем> через несколько станций, когда обнаружат мой багаж в куне. Отсюда можно дать будет вслед телеграмму, что отстал от поезда...

.

А через час я уже ехал в загородный дом.

НОВЫЕ ДАННЫЕ...

В своей комнате я встретил товарища печника и он, сдав мне всю мою «музыку» в полной сохранности и пожелав мне успеха, распрощался и побрел обратно в город...

Через несколько минут к дому подъехал француз с каким-то военным. Он провел его к себе в комнату.

— На этот раз я к вам по делу. Через час еду с докладом к Верховному. У нас маленькая неприятность. На севере прорыв фронта.

Я узнал по голосу и по наружности самого начальника штаба — генерала, в вагоне которого я был проводником прошлую ночь...

— Надо вам, мсье, сейчас же дать сведения для пересылки туда, нашему агенту, в штабе красных.

— Весь внимание, — сказал француз и запер комнату на ключ.

Я весь был внимание.

— Завтра от нас полетит в тыл красных князь Багратион, офицер. Он повезет туда прокламации, деньги и подробные планы действия. Нам сегодня необходимо только об этом известить кого следует.

— Для этого прикажете воспользоваться голубиной почтой?

— Да! Конечно! Надо установить постоянную связь при помощи нашего агента между нами и штабом Гаца, который в тылу красных организует зеленых. Мы еще регулярно с ним не связаны. Вот вам набросок. Прочтите. Вы разбираете мою руку?

— «В деревне Горки — лесничий Гац. Отправляйтесь к нему, покажите этот документ. Предложите услуги по оборудованию через вас связи. Пароль — Династия», — прочел француз вслух.

— Между прочим, теперь Гац связан с Центральным Комитетом эсеров и Союзом Возрождения. С нашим паролем

лем отправляются к нему только немногие, самые надежные... Да, между прочим, вы сегодня что-то говорили мне насчет какого-то ареста. В чем дело?

Француз подробно рассказал генералу случай со мной, назвав меня сыном султана.

Генерал изволил смеяться.

— Да! Опять этот Лисичкин!.. Представьте, мой адъютант уверяет, что проводник — агент Лисичкина, что проводник хотел нас усыпить, чтобы после пустить Лисичкина в вагон...

— Зачем же Лисичкину ваш вагон? Адъютант этого не объяснял?..

— Объяснял. Говорит — хотел, наверное, достать в связи с прорывом оперативные планы. Уверял, что мы были усыплены. Только его, говорил, приход спас нас от неприятностей. Проводник обязательно бы позднее пустил Лисичкина...

— Какой фантазер!

— Да, он у меня Шерлок Холмс! Все только этим и бредит. Вы не поверите, что он проделал...

— Что, генерал?

— Обе бутылки, и пустую и с остатками вина — возил на исследование к знакомому доктору лично в семь часов утра...

— Ну, и что же?

— Оскандалился вконец! Сам признался, что в вине ничего не нашли. Я ему посоветовал, чтобы он больше службой занимался, а свои фантазии бросил. Все равно из него, как из котлеты пулю, Шерлока Холмса не сделаешь.

— Лисичкин... Лисичкин... Я удивляюсь, почему его там до сих пор не ликвидировали. Помните, когда пришла сводка с его характеристикой, вы тогда же послали распоряжение его убрать? — говорил француз.

При этих словах я вспомнил, что действительно среди документов была характеристика меня, как опытного и крайне необходимого помощника. Характеристика была написана тоже рукой командарма, но я ее не взял, не взял также в комнате француза и оригинала с приказом меня лик-

видировать. Я не хотел при будущем разборе дела касаться своей работы и зря напоминать о своей личности...

— А вы, мсье, и в этой почте пошлите второе категорическое приказание ликвидировать Лисичкина в случае его обратного возвращения и припишите так: «Неужели вы не надеетесь на свои данные?»

— Ха-ха-ха! Это подействует! Но прибавьте, чтобы все было выполнено без малейшего риска.

— Я сейчас же напишу текст. Вы разрешите прочесть? Может быть, вы внесете какие-либо изменения: «Во что бы то ни стало ликвидируйте Лисичкина в случае обратного приезда. Себя берегите безусловно. Необходимы и ценны. Неужели не надеетесь на свои данные». Так и отправлю два документа.

— Теперь все, я еду, — сказал генерал, — надо сделать доклад Верховному, а потом всю ночь готовить бумаги князю Багратиону. Вылетает завтра утром. Будет сделано все совершенно секретно. О его отъезде знаете только вы, я и он сам. Только трое. Уже дано распоряжение в эскадрилью, чтобы был готов аппарат. Князь Багратион приедет туда один, на автомобиле с бумагами.

— Князь Багратион? Я его совершенно не знаю.

— Мой племянник. Только вчера он приехал из-за границы. Отчаянная голова! Упросил, чтобы я дал ему самое интересное поручение. Уговорил. Тем более, что здесь его никто совершенно не знает. Сделать все посредством его — полнейшая конспирация. Да и посудите, что у нас, в самом деле, за чертовая контрразведка! Только вы и выручаете. Кругом шпионы, черт их возьми! Любой рабочий, любой солдат, любой проводник — все продадут и выдадут, ни в одном человеке нет уверенности. Я нарочно племянника никуда не выпускаю. А то опять какая-нибудь каналья разнохает.

— Он поедет завтра в отряд? Там у меня есть приятельчики, французы. Я к ним недавно ездил в Киньково...

— Теперь уже отряд перевели. Он находится на станции Ланская, там лучше аэродром, а главное, до самого отряда шоссе. Удобно для автомобилей. Ну, до свиданья! Я еду. До завтра!

Генерал стал искать свои перчатки и фуражку.

XXV

ГЕНЕРАЛА ЗНАКОМЯТ С «ЛИСИЧКИНЫМ»

Пока француз возился с ключом у двери, я уже сидел в дальнем углу столовой и читал газеты.

Когда в столовую вошли генерал с французом, я встал и поклонился...

— Вот вам, генерал, и сам Лисичкин.

— Что? Лисичкин?! — опешил генерал.

— Ха-ха-ха! Сам Лисичкин, — засмеялся француз, — или, вернее, его двойник. Это, генерал, тот князь, который сегодня был арестован контрразведкой, как Лисичкин. Позвольте вас представить!

— Ох уже эта контрразведка, — вздохнул генерал. — Вот она у меня где, проклятая, сидит!

Я пробормотал что-то по-турецки.

— Он турок, но говорит и по-французски.

— Ах. Очень приятно! Так вы Лисичкин? Ха-ха-ха! Ну, я спешу! До свиданья!

Мы обменялись рукопожатиями. Француз пошел провожать генерала до автомобиля.....

.

Кто-кто, а уж я завтра полечу к своим. Это наверняка. Надо только сначала предупредить товарища Ефремыча. Придется просить по телефону машину. Я взялся за трубку аппарата, который стоял тут же, в столовой.

— Ну, князь, я очень рад быть вам полезным, — сказал француз, возвращаясь в столовую.

Я держал пока руку на аппарате.

— Чем, мсье?

— Вы сегодня же можете ехать. Один американский лей-

тенант едет сегодня в Приморск. У него отдельных два купе в международном вагоне. Я уже с ним говорил. У него едет целая компания. И он, конечно, оказался рад еще одному такому очаровательному спутнику...

— Очень вам благодарен!

Я сделал вид, что страшно обрадован.

— Это меня так устраивает!.. Когда отходит поезд?..

— Сегодня в 10 вечера. Ваш спутник-лейтенант приедет ко мне часов в 9. Я должен буду передать ему письма за границу и уже отсюда мы отправимся вместе на вокзал. Меня известит по телефону с вокзала комендант станции о точном времени отхода поезда.

Он подошел к столу, позвонил и велел подавать чай.

Я взялся за трубку и вызвал квартиру товарища Ефремыча.

— Алло! Кто? Да. Вы? Наш общий друг мсье устроил мне место в купе. Я в восторге. Сегодня же еду. Хотел бы заехать к вам проститься и поблагодарить вас за вашу любезность, за гостеприимство. Вы сейчас будете дома? Если можно, пришлите мне ваш авто. Да!.. забыл. Я спешу. Если я поеду к вам, я не успею собрать свой багаж. Пришлите человека. Жду. До свиданья!..

А теперь выпьем за компанию с французом чаю...

Когда я возвратился от товарища Ефремыча, француз с каким-то морским офицером собирались уезжать. Из моей комнаты вышел человек и доложил, что мой багаж весь собран.

Велели выносить вещи. Товарищ Ефремыч обещался быть на вокзале.

XXVI

ПОД ОТКОС!..

Поезд тронулся. Мы с американцем стали разбирать свои вещи. Завязался разговор на французском языке.

— Расскажите подробно, князь, что это сегодня с вами произошло? Я слышал об этом в городе, а вот сейчас ротмистр снова подтвердил, что с вами вышел какой-то казус.

Я подробно передал картину ареста. Из-за сходства с каким-то бандитом.

Лейтенант хохотал.

— Вообще я не вижу здесь ничего путного. Каждому здравомыслящему иностранцу ясно, что у них, то есть у наших союзников, ничего хорошего не выйдет. Посудите: ведь они окружены людьми, в которых ни в ком нельзя быть уверенным, главное, в солдатах. Разве это солдаты? Я не говорю уже о рабочих и мужиках. Те только и ждут прихода красных. Я сам американец, но я хорошо говорю и понимаю по-русски. Я слышал часто разговоры среди населения.

— Ну и что же? Я мало знаю, так как по-русски почти ничего не разбираю.

— Все ругают власти и ждут красных. За положение власти я не дам ни одного фартинга. Это лично я. Но есть фантазеры даже из одной со мной нации и одного класса, которые верят в это пропащее дело.

— Я удивляюсь всему тому, что вы говорите. Неужели это так?

— Конечно, так! Положение властей здесь ненадежное и я уверен, что красные знают о здешнем развале. И вот, повторяю, есть фантазеры, которые верят белой армии, белой власти.. Я знал многих таких психопатов. Знаю даже, что одна молоденькая американка, дочь миллиардера, мисс Дудль...

Послышался стук в дверь. Ввалились все остальные лейтенанты.

Черт бы их подрал!..

Начался картеж.

Переодеться, чтобы удобнее затем удрать, нельзя было и думать.

Сплавить их тоже не представлялось возможным...

.

Шел второй час ночи.

Я стал одеваться. Вынул дорожную кепку и одел пальто. Все необходимое было, конечно, со мной.

— Вы куда, мистер?

Ко мне обратился кто-то из играющих...

— Хочу пройти в конец поезда — вагон-ресторан. Хочу есть. Разбужу буфетчика и прикажу мне приготовить что-нибудь холодное.

— Олл-райт!..

Пусть подождут. С какой-нибудь станции дам телеграмму, что отстал. Попрошу сохранить вещи, догоню, мол, к отходу парохода.

Когда я подходил к концу поезда и вступил на площадку, отделяющую последний вагон, раздался страшный треск...

Площадка вылетела у меня из-под ног и я почувствовал, что теряю сознание!

— Приехали! Слезай!

XXVII

НА ВОЛОСКЕ!..

Когда я пришел в себя — я огляделся.

От луны было светло, как днем.

Я лежал в какой-то канаве с водой около высоченной насыпи. Рядом неслись крики и стоны. Слышалась стрельба.

Сразу стало все ясно...

Скорый поезд потерпел основательнейшее крушение.

Только два последних вагона были похожи на что-то.

Одни из них валялся на насыпи боком, другой, перевернутый колесами вверх, распластался под откосом.

Далее — картина полного разрушения. Видны были груды щеп.

Я уцелел только потому, что открытая площадка, оче-

видно, сыграла роль трамплина.

При первом страшном толчке она подбросила меня, как мяч, и я этим избег того, что меня не сплющило между вагонами...

Я попробовал пошевелиться. Конечности действуют... Ощупался. Нигде крови нет... Попробовал встать; немного кружится голова и трясутся ноги.

— А ну-ка, барин! Выкладывай монету! Може, и пистолет хороший имеешь? Пригодится!..

Свои. Партизаны. Под откос поезд спустили — сообразил я. Новое дело. Как быть?

Открыться им? А вдруг если кто-нибудь из оставшихся в живых рядом со мною пассажиров узнает меня, беседующего с партизанами?' Опять неудобно. В городе Тайгинске узнают, что я принят был партизанами, как свой. Туда давать нельзя ни малейшего шанса. Пока надо себя не выдавать.

Я бросил партизанам несколько слов по-французски.

Они захохотали.

— Иностраннный гость, значит! Ну, нам все единственно. Разоблачайся, милый.

Я пробовал было отговариваться, но меня схватили.

Стали обыскивать.

Нашли пакет с моими документами — мое сокровище. Отобрали.

Находят револьвер.

— Эге, братцы, да это офицер! Вишь — браунинг. Офицер! Ну, тогда шабаш, ваше благородие.

Двое партизан направили на меня винтовки.

— Ну-ка, Митрич, отведем-ка его к сторонке. Там сподручнее. Здесь ему мокро лежать будет. Чай, простудится.

Что делать? Сказать им, открыться — рядом видимо лежат раненые пассажиры.

Решил им повиноваться. Сделал вид, что согласен, идем, мол.

Повели, наставив винтовки в спину.

Отвели шагов на сорок. Остановились.

— Ну, раздевайся, ваше благородие, господин иностран-

ный офицер. Не лазай другой раз белым на подмогу. Не мешайся в чужую кашу.

— Будя, — сказал я. — Брось, братишка! Я свой. Только не орите больно. Я переодетый. Я не белогвардейский иностранец...

Ребята опешили...

— Ишь ты! Сразу по-нашему заговорил! Чего ты мелешь? Не офицер, говоришь? А свой? А по-французски лопочешь? Врешь, брат!

— Да стой, стой, — перебил его второй. — Может быть, вразумлю. Чего зря патроны портить? Поведем его к матросу. Тот живо разберет.

.

Когда мы остались один на один с матросом, оказавшимся предводителем партизан, я ему сказал:

— Даю вам слово революционера, что я здесь по важнейшему революционному делу и что мой маскарад действительно вынужденный.

— Ладно! Попробую вам поверить, что вы переодетый коммунист. Но как вы можете это доказать? Вы в Тайгинске наших никого не знаете?

Я посмотрел на него в упор и отчеканил:

— Кого-нибудь из «пекарей»?

— Есть! Братва! Давай поцелуемся... Эй, товарищи, столковались! Ступайте к поезду да смотрите, чтобы об этом кроме вас да меня никто! Понимаете? Ни одна душа! А тебе, товарищ, чем сейчас помощь требуется?

— Сколько верст до Тайгинска?

— По шоссе напрямую — шестьдесят.

— Лошади у вас верховые есть?

— Для тебя, братва, да не найдется! Свою отдам...

.

XXVIII

ЕЩЕ ЗАМЕНА

На окраине города Тайгинска, рано утром, недалеко от заставы, в пустынном переулке остановился закрытый автомобиль. Очевидно, что-то испортилось в машине. Несколько мальчишек подбежали было поближе, но механик и его помощник, возившиеся у коробки мотора, так пугнули мальков, что они все рассыпались по сторонам и больше не лезли...

Несколько времени спустя из города мимо заставы промчался по шоссе другой открытый военный автомобиль. В нем сидел шофер и один пассажир, видимо, военный.

.

У застопорившегося автомобиля шоферы, видимо, добились в конце концов толку. Он запыхтел, задрожал. Шоферы быстро вскочили на свои места, автомобиль двинулся с места и, усиливая ход, помчался тоже в сторону от города по шоссе вслед первому.

.

У верстового столба с цифрой «13» военный автомобиль что-то скиксовал, закапризничал, а потом и совсем остановился...

— Что там еще случилось?

— Не могу знать, ваше высокородие. Сейчас посмотрю — слезу.

Солдат-шофер курбетом выкатился из-за руля и нырнул к мотору.

— Ну что? Надолго застопорились?

— Одним духом, ваше скородие.

— Поскорее, братец! Живо сделаешь — хорошо на чай получишь.

Послышался гудок. Нагоняла сзади какая-то машина.

Офицер встал в автомобиле и поднял обе руки вверх...

Международный автомобильный сигнал:

«Стоп! Дай помощь».

Второй закрытый автомобиль подъехал к военному вплотную рядом.

— Господа, нельзя ли просить вас помочь моему шоферу?

— С удовольствием! Сейчас все оборудуем.

Из закрытого автомобиля сначала вышли два механика. Подошли к солдату-шоферу, затем...

Не успел офицер оглянуться, как был схвачен сзади тремя неизвестными.

— Что вы делаете? Как вы смее? Да вы знаете, кто я? — заорал он, стараясь вытащить браунинг, но уже было поздно.

— Что делаем? Помогаем! Не смеемся! А кто вы — знаем прекрасно.

.

Когда шофера военного автомобиля связывали два механика из закрытой машины, он бормотал им:

— Не очень, черти, старайтесь! Ишь, разыгрались!

— Ничего, товарищ, потерпи! Завтра все равно вчитую отделаешься. К себе в Орловскую губернию поедешь. Потерпи, миляга! На папироску — затягивайся.

— Не зубоскальте, черти! Теперь опять развязывайте. Готово с князем-то...

Офицера действительно во время этого разговора уже успели раздеть и втащили его в закрытый автомобиль, напялив на него какую-то хламиду.

.

Через час после этого происшествия, с аэродрома около станции Ланской в неизвестном направлении вылетел самый лучший аппарат эскадрильи. На нем, кроме пилота-летчика — сзади сидел, очевидно, наблюдатель...

А солдат-шофер Митюха, который привозил офицера, временно оставил машину на дворе отряда и пошел разыскивать своего земляка, друга закадычного Сашку Беспалого, тоже орловца.

— Ну, Саш, прощай! Кому в деревню кланяться?

— Да что ты, паря?

— Сегодня, брат, приеду, сдам машину и айда в Орловскую губернию! Пропадайте вы здесь пропадом! Будя с офицерами валандаться! В Рабоче-Крестьянскую Рассею поеду. Прощай, брат!..

XXIX

«ЕВТИХИЙ БЕНЕВОЛЕНСКИЙ»

Часа в два дня около городской психиатрической больницы остановилась простая деревенская телега, запряженная парой лошадей.

На телеге сидели человека четыре.

Один из них, старичок, видимо, псаломщик или дьякон, пошел в контору и спросил главного врача.

— Буйного привез. Сынишка сбрендил. На людей бросаться стал. О, Господи! Себя разными званьями называет. А околесицу какую несет, что не приведи Бог! Летать, говорит, по небу хочу! Ну и грехи! Мать убивается дома. Ревья ревет. Ведь единственный! Семинарию окончил. Думали, попом будет, а он на вот, аки Навуходоносор, взбесился. Волосы на себе выдирает, так мы его обрили. Связывали да обрили! Начисто и голову и бороду, и усы и брови. Все под окно. Под мышками хотели брить, чтобы не выдирал волосья и себя не терзал, да бросили — возня! Дерется больно!..

Дьячковского сына прямо принесли в приемную. Вне оче-

реди. Лопотал он — не приведи Бог, а ругался — ужаси!..

Доктор велел надеть ему смирительную рубашку и привязать к стулу, а затем перевести в отдельную комнату.

Когда больного перенесли туда, главный доктор и все, как есть, ушли. С больным остался молодой врач, ассистент с простецким, скуластым лицом.

— Послушайте, князь, что я вам скажу! Не орите хоть несколько минут.

Больной сразу стих и стал слушать, сделав удивленное, вполне осмысленное лицо.

— Князь, вы в сумасшедшем доме! Вы понимаете это?

— Да, конечно! Я не дурак и ясно вижу, где я!..

— Тогда продолжайте вопросы. Вы когда-нибудь сидели в сумасшедшем доме?

— Никогда! Клянусь вам!..

— Охотно верю, но очень жаль!

— Почему жаль?

— Потому что знали бы здешние порядки.

— Не знаю и знать не хочу!..

— Теперь вам придется узнать. Слушайте. Сообщу вкратце. Во-первых, раз вы душевнобольной, то что бы вы ни говорили, ни писали — все это ваш больной бред. Все это будет вноситься лишь в вашу историю болезни. Во-вторых, все ваши письма, записки, дневники будут передаваться только мне и пришиваться к вашему больничному листу. Поняли?

— Черт знает! Это невероятно!

— Невероятно, а факт. Поняли?..

— Понял...

— Далее условия такие: будете орать, ругаться или драться, переведут в буйное. Будете пайнкой — оставлю в тихом. Разницу вы узнаете, пробыв в этом доме час. Далее уже на выбор. Если будете называть себя вполне нормально сыном дьякона, студентом семинарии Евтихием Беневоленским, то можете считаться выздоравливающим, к вам будут допущены ваши родственники, а если будете величать себя князем, графом или императором, то положение ваше в смысле психики будет угрожающим и вас придется долго

лечить.

— А если буду считаться выздоравливающим, то сколько времени вы меня продержите?

— Самый разумный вопрос! Вот видите, как я успокаиваю даже самых буйных, между прочим, это моя специальность...

— Хороша специальность!..

— Да. Какая есть!.. Итак, продолжаю. Вас, как выздоравливающего, мы можем отдать отцу на поруки месяцев через шесть, а может, немножко раньше.

— Это же безобразие, издевательство!..

— Не орите, так как буйного мы будем держать гораздо дольше. Ну, до свиданья! Пока я вас отправлю в тихое отделение.

Затем доктор наклонился к больному и очень тихо сказал:

— А что лучше, быть застреленным в упор в затылок и валяться на шоссе или переждать несколько времени в сумасшедшем доме? Ручаюсь вам, что в тот самый день, когда войдут сюда красные, вы будете свободны и я первым буду хлопотать, чтобы считать вас лояльным к Советской власти. Да... забыл! Как ваше имя и фамилия?

— Евтихий Беневоленский... — проскрипел сквозь зубы больной.

— Да нет, не это, а другое, как вы себя в бреду называли. Князь... граф...

— Князь Багратион-Мухранский!..

— Ну вот, видите, какая ерундистика! Я, например, прекрасно знаю, что князь Багратион-Мухранский сегодня в 10 часов по приказанию начальника штаба фронта генерала Попелло-Давыдова, своего дяди, на аэроплане улетел к красным и уже, наверное, там. А вы в бреду уверяете, что вы он. Вы мебель не ломайте!..

XXX

«КНЯЗЬ» И ПОРУЧИК

А я сидел в аэроплане, как к санях, и был спокоен, как в корзинке. И теперь еще вспоминаю... знатно летел. Да что, в самом деле, было волноваться? Для генеральского племянника, да еще князя, дерьмовую машину не дадут, да и пилота-растяпу не посадят!..

Наверняка, самый лучший материал предоставили, и весь маршрут с местом посадки обмозговали — лети да по-свистывай!..

.

Посмотрел я на часики, спасибо товарищу Ефремычу, свои на память подарил — браслетку.

Третий час в пути... Наверное, скоро приземляться будем.

Так и вышло...

Летели, летели еще немного и действительно чувствую — спускаемся...

Ура! Теперь, значит, наверняка у своих! На советской рабоче-крестьянской территории!..

И в двух естествах:

Его светлость князь Багратион-Мухранский, он же член Реввоенсовета Красной армии тов. Лисичкин!..

Ну и переплет!..

Спустились благополучно. Только товарищ Лисичкин немножко лоб стукнул, а князь Багратион-Мухранский мурлеткой перекладину изволил задеть...

А теперь за дело: учиним пилоту допрос. Начнем по-благородному.

— Позвольте вас, поручик, от души поблагодарить за благополучную доставку.

— Я только исполнял приказание, князь!

Мы пожали друг другу руки.

Я посмотрел при этом ему прямо в глаза,

Наверное, парень хороший. Главное, деляга. Свою специальность знает. Да-а, дела...

— Я бы хотел вас спросить, поручик... Объясните мне, где мы находимся, где ближайшее селение? Вам это, наверное, известно. Мне передавал дядя, генерал Давыдов, что маршрут будет выработан самим начальником отряда и вами, как лучшим летчиком всего отряда.

— Так точно, князь. Я хорошо знаю эту местность, так как часто делал в тылу у красных глубокие разведки.

— Укажите на плане, приблизительно, место нашего спуска.

— Извольте смотреть. Вот Тайгинск, откуда мы вылетели. Вот Красень, где стоит штаб армии большевиков. Вот Омужево, крайний пункт нашей железнодорожной линии. Эти три точки дают треугольник. По линии Красень-Омулево мы и находимся, конечно, в зоне красных. От Красенья верст двадцать. От ближайшей деревушки верст восемь. Здесь самое глухое место. Я раз даже здесь спланировал. Мотор испортился. Починил мотор, снова поднялся и никто даже и не подозревал.

— Какие были даны инструкции лично вам?

— Доставить вас приблизительно в эту территорию. В случае благополучного спуска вступить в ваше полное распоряжение, аппарат испортить, взорвать. Там под сиденьем есть заряд. Если вы не найдете нужным иметь от меня помощь, то мне приказано постараться перебраться обратно к себе. Явившись в отряд, сделать подробный доклад только начальнику отряда. А остальным объявить, что мы потерпели аварию во время глубокой разведки в тылу красных, что вы, князь, погибли, а я спасся.

— А вам известно, зачем я сюда прибыл?

— Совершенно не известно! Но я, конечно, догадываюсь.

— Ах, да! Какой я предложил вам нелепый вопрос!.. Вы правы. Догадаться очень просто.

— Конечно. Вы прибыли, чтобы переодетым пробрать-

ся в красный штаб и получить оперативные планы путем опроса или путем осмотра, так сказать, для разведки.

— Послушайте. Да вы читали мое предписание? — закричал я, сделав удивленное лицо.

— Ничего подобного! Честное слово! Я только логически мыслил.

— Приятно иметь дело с умным человеком!..

Я пожал ему руку с особой подчеркнутостью.

— Вы, поручик, откуда родом?

— Я? Из Иваново-Вознесенска. Из-под Москвы. Посад там такой есть. Фабрики.

— Где получали образование? Я разумею военное...

— Я сын рабочего. Отец родился крестьянином. Когда я кончил уездное училище, уехал учиться в Москву. В Комиссаровское техническое училище. Пошел по технической специальности. Был мобилизован в германскую войну в авиационную роту. Нижним чином. За боевые отличия получил офицерские погоны, Георгия и все ордена до Владимира включительно. Еще на германском фронте сбил 12 самолетов.

— Ваши родители живы?

— Когда уезжал, все живы были. А теперь не знаю. Четыре года не был.

— Когда же вы к ним, то есть к нам, — я улыбнулся, — к белым попали?

— Еще в 17 году в начале уехал в Приморск принимать самолеты из-за границы да так и остался. Потом пробраться в Москву было нельзя.

— А вам бы хотелось обратно к ним?

— То есть куда, к белым?

— Нет. К красным, тьфу, я хотел сказать, к своим родным!..

— Станный вопрос, князь!

— Так, значит, очень хочется?

— Да, если бы не служба!..

— Что же вам мешает именно теперь?

— Как что? Я снова должен служить!

— Кому?

— Как кому? Белым!..

— Зачем белым, когда вам хочется в Москву, к родным?

— Не понимаю вас?

— Почему вы не можете поехать в Москву повидать родных, именно теперь?

— Это невозможно!..

— Почему?

— Потому что я белый!

— Осторожнее! Теперь нам белыми себя называть нельзя. Мы красные. Поезжайте-ка лучше в Москву.

— Как в Москву?!

— Очень просто. Вы доставили меня. Вы в моем распоряжении. Я даю вам приказ ехать в Москву. Разрешаю заехать в Иваново-Вознесенск к родным. Сам я останусь здесь выполнять принятую на себя задачу согласно своего долга.

— Я поеду... А как же быть с документами? У меня никаких нет!..

— Я вам дам. У меня есть и для себя, дядя дал на всякий случай и для вас. Ну, согласны? Идет?..

— Один вопрос, князь! Что я должен делать в Москве? Когда я должен возвратиться?

— Я вам дам адрес, по которому вы явитесь в Москву, а затем вы получите там от меня дальнейшие распоряжения.

— Идет, князь!

— Бросьте! Что за «князь»? Теперь и вы и я товарищи! Одним словом «князь» вы можете погубить и себя, и меня, подведете под пулю. Вот вам документы на имя проводника вагона Василия Курносова.

— Я Василий Курносов?

— Да. Пока!.. Вы с этим документом явитесь к красным. Пройдете в штаб армии и спросите члена Ревсовета тов. Лисичкина. Предъявите ему документ и скажете, что вы бежали от белых, что вы проводник вагона. Я буду вертеться около штаба, собирать сведения. Мы еще там с вами увидимся.

Мы вдвоем стали с ним переодеваться и через несколько минут обратились в двух простых красноармейцев.

— Аэроплан мы портить не будем. Взрывать — будоражить население. Еще сюда прибегут. Черт с ним!.. — в виде приказа бросил я.

— Вы правы, князь, то есть товарищ. Зачем добро портить? По правде, мне даже жалко его взрывать. Пусть уж кто другой! Аппарат замечательный! У меня на него рука не поднимется...

Товарищ Василий Курносов попер пешком к красным, ко мне.

XXXI

У ГАЦА

А я, оставшись наедине и сделав маленькое изменение в своей физиономии, покатил на паре в деревню Горки...

Лошадей мне представил комендант этапа в ближайшей деревне.

Когда тов. Курносов ушел, я отправился в ближайшую деревню по направлению, противоположному прямой дороге к Красеню и, узнав, что там, то есть в деревне, стоит этапный комендант, отправился к нему.

Коменданту я сказал, что на поляне видел аэроплан. Он сейчас же послал туда своих ребятишек-красноармейцев для охраны, а мне за это дал лошадей и фамилии не спросил.

— Езжай, товарищ!. Куда хошь на рабоче-крестьянских! А за аэроплан тебе благодарность!..

А я ему:

— Не на чем по пустякам-то!..

Пока лошадей запрягали, я пошел в пустую избу и произвел полную ревизию всех переданных мне дядюшкой-генералом посылок. Что нужно, положил обратно — заделал, что требовалось себе — на память взял.

.

— Вас куда везти, товарищ комиссар?
— Меня-то? Да в Горки! Только я пока, братишка, не комиссар, а красноармеец.
— В Горки, значит, к лесничему насчет леса? Туда много народу за последнее время ездют!

.

— Заворачивай к лесничему!..
— Угадал, значит?
— Угадал, старик! Вот тебе лошадам на овес!
— Премного спасибо! Чай, недолго будете? Может, подождать? Я все равно кормить буду.
— Подожди, пожалуй, а там видно будет..
Принял меня лесничий Гац нельзя лучше. Не знал, куда и посадить, чем угостить.
А я говорил с ним, словно блевотину жевал.
Противно было.
Скрипучий такой. Чиновник старый. Гадина, одно слово. Передал ему документы, и письма, и посылки.
— Вы разрешите, ваше сиятельство..
— Товарищ Гац, еще и еще прошу вас называть меня товарищем, а не сиятельством. Надо привыкать к конспирации!..
— Хи-хи-хи, товарищ. Ну, знаете, у меня язык не поворачивается князя товарищем называть.
— А вы поверните!..
— Один вопрос, ваше... товарищ. Вы долго изволите у меня пробывать? Между прочим, забыл вам сказать: ко мне сегодня прибыл самый секретнейший деятель. Ну, да от вас секретов нет. Вы сами изволите быть наисекретнейшим!..
— Кто еще такой секретный? Наверное, обыкновенный доброволец-офицер?
— Офицер-то офицер, но не просто доброволец, а агент по установлению связи нашей с Тайгинском. Он из красного штаба сводки достает и пересылает в Тайгинск.
— Вот как!..
— Верно! Он специально ко мне и прислан.

— Мне пока это совершенно неинтересно. У меня есть другие задачи. Больше у вас ничего не будет такого, где мое присутствие необходимо?

— Послезавтра назначен съезд организаторов и начальников боевых дружин, которые будут действовать в тылу красных.

— Ну, тогда и я приеду...

— Как хотите! Это всецело зависит от вас. Когда же вы изволите уехать?

— Сейчас же уеду. Мне надо еще к вечеру в двух местах побывать.

— Не смею задерживать. Откушать не откажете?

— Нет. Не хочется. Я уже подзаправился в деревне!

— Нет-нет, ваше сиятельство, виноват... товарищ! Без хлеба-соли не отпущу. И компаньона пригласим. Пойду распоряжусь насчет закусончика. А вы пока с другим нашим деятелем познакомьтесь. А вот и сам он, легок на помине.

В дверях кабинета стоял очень молодой, почти мальчик, офицер, конечно, без погон, но во френче и галифе. Волосы гладко расчесаны, на пробор. Гац нас познакомил.

— Поручик Гессе! Князь Багратион-Мухранский!..

Лесничий убежал по хозяйству.

Пауза.

— Вы, поручик, наверное, иностранец?

— Да.

— Я тоже недавно из Парижа. Сегодня, только что.

— Знаю. Я случайно был в той комнате, в соседней, и слышал, князь, весь ваш разговор с нашим дорогим хозяином...

— Скажите, каким образом вы добываете сведения из штаба красных? Это очень любопытно!

— К сожалению, князь, извиняюсь! Часть своей работы я решительно скрываю от всех. Я одиночка... то есть, я хотел сказать, одиночный работник. Откровенно скажу, мне было очень неприятно, когда Гац выдал даже вам мою тайну. Вы сознаете, что для нашей работы тайна необходима?

Я сделал вид, что сконфузился и, протянув руки, крепко пожал его руку. Рука была совсем маленькая, как у женщины.

— Вы, князь, конечно, говорите по-французски?

— Безусловно!..

Он перешел на французский язык и стал расспрашивать меня о жизни в Париже...

XXXII

ОПЯТЬ У СВОИХ

«Открыт я или не открыт?» — думал я всю дорогу...

Подъезжая к штабу, я разгримировался.

.

Велел вести себя прямо в штаб...

Прошел в кабинет командарма товарища Петрова.

Народу у него было много, очевидно, шло какое-то экстренное заседание.

Я подошел к нему и негромко отрапортовал о прибытии, а затем отправился к себе в кабинет.

Приказал немедленно принести пишущую машинку и никого не впускать, хотя бы даже самого наркомвоена.

Потом взял трубку, вызвал начальника особого отдела армии тов. Васильева и пригласил его к себе.

— Через полчаса буду, — бросил он в трубку.

.

— А меня тут совсем бумагами завалили! Почему-то и этот пакет ко мне попал в общую кучу. Вот растяпы-то! Читайте, кому он написан-то: «Начальнику Особого отдела в собственные руки»! Нако-сь, читайте, а я своим делом заниматься буду!

Почитал, почитал, пересмотрел все, что я ему заготовил. Так взволновался, что аж вскочил да по комнате забегал.

— Товарищ Лисичкин! Да это нечто феноменальное! Полный отчет о существующем белогвардейском заговоре! Списки, явки, пароли, оперативный план...

— Чай, брехня?

— Какое брехня! Этого всего из головы не выдумаешь: такие подробности. Вы только послушайте...

— А что мне слушать!.. У меня у самого голова от своего вертится. Потом, когда проверите да ликвидируете, тогда и доложите. А кто донесение подписал?

— Анонимное. Подписано: «С товарищеским приветом скромный коммунист. Партбилет №»

— Писал, значит, казначей, неизвестно чей. Дура черт, какой скромный! Жалко, я не читал пакетика. Я б за него подписался...

Начальник Особого отдела ушел, от радости даже не попрощался.

Только он из двери, как дежурный с докладом:

— К вам, товарищ, Василий Курносов просится!.. А мне делов и так по горло...

С ним у нас разговор короток был.

— Здравствуйте, товарищ Курносов!

— Здррр... кня-я-язь...

— Что это вы, товарищ, дрожите, как овечий хвост? Ну и летчик! Не похоже, что вы 12 аэропланов сбили!

XXXIII

ПО ГОРЯЧЕМУ СЛЕДУ

На чердаке дома, где жил командарм товарищ Петров, я был в первый раз, и хоть фонарь электрический у меня был первосортный, а другой под левым глазом я все-таки посадил, не уберегся.

Обследовал весь чердак. Никаких явлений человеческих не обнаружил, только над комнатой товарища Петрова валялись какие-то тряпки. Вроде как бы постель.

Пробрался в сторону над хозяйским потолком.

Осмотрел трубу, борова, ходы. Выбрал, как говорят светские дамы, уютный уголок и залег. Конечно, не спать собрался!..

Было одиннадцать часов вечера...

Главное, чтоб не чихать. Пылица чертовая!..

Ну, Лисичкин, держись!

Открыт или не открыт?..

Вот появилась снизу по лестнице какая-то тень в женских очертаниях. Взошла на чердак. Запуршала земля в стороне над командармом...

Затем снова стало все тихо. Спать, наверное, легла...

.

Щелкнула какая-то пружинка.

Затем опять стало все тихо.

Потом опять щелк да щелк, и так раза четыре...

...Мне бы, дураку, раньше, чем в Тайгинск ехать, сразу потолок да чердак обследовать да ночку просидеть!..

Да кто же это знал, такую махинацию?..

Эх ты, «Пинкертон»! А кто бы тогда начальнику Особого отдела интересный пакетец передал?..

Вот и выходит: ежели прешь — при подробно, до конца. Через три ступеньки не перепрыгивай.

... Известная мне, а другим, не знаю, тень с чердака. По лестнице. Да с опаской. А я... через слуховое окно. Да кубарем. В траву!.

Из-за угла дома смотрю, идет к огороду. Я, крадучись, за ней. На благородной дистанции. А то, пожалуй, за кавалера примет.

Вижу — к бане идет...

Я браунинг ощупал да за ней.

Взошла. Я у двери приостановился. Где-то наверху го-

лубки воркуют.

Я к окну — завешено.

Опять к двери. Ну, была не была. Напором!..

Фонарчиком ее лицо и осветил.

— Здравствуйте, — говорю, — глухонемая красавица!

Да свет-то и потушил.

— О! Вы? Лисичкин?..

Фонарчик щеколдой потушила да бросила.

А я ее за ручки белые — цоп!..

— Не беспокойтесь, поручик Гессе, — говорю по-французски. Это я — князь Багратион-Мухранский, только Лисичкиным загримировался, чтобы посмотреть, как мисс Дудль работает...

Она аж зубками закрипела... Поднялась у нас возня.

Она револьвер высвободить хочет, а я не даю.

Надоела браунингу такая игра, — он штука серьезная.

Возьми да и выпали!

Моя партнерша защищаться перестала. Вытянулась и вздрагивать начала.

Засветил фонарь... Смотрю.

Она левой рукой за грудь держится, а с левой груди кровь фонтаном хлещет...

— Доигралась!..

Хотя такую паскуду и следовало ликвидировать, да очень хотелось ее живьем взять...

Раз пуля под левый сосок попала, где ж тут живой быть?..

.

С двумя фонарями я живо всю баньку до подробности осмотрел. Все тут, как тут. Вся лаборатория налицо и голубки на крыше воркуют.

Взял я с собой фотографический аппарат, как есть неразряженный, да письмоцо ее, видимо, собственноручное, неоконченное. Да и марш домой.

Завтра утром разберемся...

XXXIV

КЛУБОК РАСПУТАН

Итак, все, значит, как по-писаному...

Прежде около штаба да и вообще в местах нашей стоянки я ее не замечал никогда. А как штаб в город Красень переехал, так она сразу на сцену выплыла...

Не то нас поджидала, не то, нечего греха таить, может быть, необнаруженная работала...

Ну, а тут городишка всего с кукиш.

Как ни загримируйся, все равно человек, как есть...

А человек — значит, вопрос:

Что он, к чему?

Так и здесь вышло:

Всякий видел. Девушка молоденькая, нищая, глухонемая...

Калека — голова трясется, руки-ноги дрожат.

Ходила она по городку всюду и в штабной столовой бывала — там ей товарищи кусочки давали...

Возьмет, как рванет, и жрать...

Как будто зверь голодный.

Наверное, и по квартирам сотрудников штабных ходила, кусочки выпрашивала. Мычит, как не дать!..

Никто на нее внимания не обращал. Не опасался.

А мне, не знаю почему — это существо странным, да, странным показалось.

А потом и забыл...

Время свободного не только часа — секунды нет. Где уже тут фантазию рассупонивать!..

Так и началось...

Когда я в первый раз следы шпиона обнаружил да нас троих перебрал. Так и позадумался.

А что если... под окном... али как еще...

Она если... Ну, скажем, она. Как передает? Почему так быстро? Через кого?

Значит, еще кто-нибудь около нее вертится.

Как поймать? Следить?

Она, наверное, штука тонкая. Заметит, что ей интересуется кто-нибудь... Сейчас концы в воду, да драла, а если сразу схватить, допрашивать — немая и конец...

Главное, у меня в штабе — руки текущей работой накрепко прикручены.

Значит, для всей освещенности надо было мне из сферы ее кругозора незаметно удалиться.

Из середины клубка другой кончик постараться вытящить да по нему и до свободного конца добраться.

С тем и поехал.

Первое данное — голуби. Быстрота сообщения. Может, и глухонемая.

Второе данное — рука командарма. Всю почву из-под ног выбила. Глухонемую забыл. Фотография. В сомнение вошел. Не командарм, а кто-то другой.

Третье данное — дырочная фотография. Кто-то с потолка записки командарма на пластинку крал. Опять глухонемая.

Четвертое данное — «неужели вы не надеетесь на свои данные?». Вплотную к глухонемой подобрался. Хорошенькая, стерва, была! Предлагали ей меня женской красотой обольстить да во время ласк укокошить, вроде как Далила Самсона.

Пятое данное — «поручик Гессе». Как ни гримируйся, а глаза да переносица, да лоб. Сразу глухонемую в личности вспомнил. Здесь и решил, что глухонемой на чердаке над командармом жить не подозрительно.

Шестое данное — американка, мисс Дудль... Окончательно меня укрепило, что она одиночкой работает. Другому бы, не американцу, никогда такую комбинацию одному не создать. И голуби, и фотография, и грим, и комедия, что калека...

Сложить все вместе и писать черным по белому:

«Глухонемая, она же поручик Гессе, она же мисс Дудль,

через потолок, провертев там дыры, снимает усовершенствованным фотографическим аппаратом записки, которые ведет командарм для себя, как воспоминание, берет эти негативы, свертывает непроявленными в трубочку и с голубями посылает к белым».

Вот и вся отмычка!

Мое дело разузнать, расследовать, а результаты соответствующему работнику передать. Начальнику особого отдела.

Так я и сделаю завтра утром.

XXXV

КОНЕЦ ЛИ?..

— Извиняюсь, товарищ Лисичкин! Я решил вас разбудить.— Около меня стоял командарм тов. Петров. — Сейчас вас вызывали к прямому проводу. Я подходил сам вместо вас, не хотел вас с дороги беспокоить. Сообщаю вам новость. Вам придется сегодня же ехать в Москву...

Я протер глаза. Было пять часов дня.

— Здорово, однако, я продрых, — пробормотал я и начал приводить свои мысли в порядок. Сейчас же надо было отправиться и произвести осмотр вчерашнего места происшествия...

— Вы знаете, товарищ Лисичкин, — продолжал Петров, ходя по комнате и ожидая, пока я встану, — у нас на дворе чуть свет пожар был... Баня сгорела... Как языком слизнуло. Не успели сбежаться, как одни кирпичи остались. Как спичка сгорела. Я думал, вас разбудили. Наши дома-то рядом.

Я мигом проснулся. Значит, полная ликвидация с уничтожением «вещественных доказательств»... Не придется, видно, начальнику особого отдела дополнительный доклад писать.

И вот теперь у меня явился вопрос: сообщать ли об этом командарму, и я сразу ответил себе:

«Нет, никоим образом! Зачем зря человека задним числом расстраивать?»

Петров меня совсем не расспрашивал о результатах поездки.

Но только, наверное, по другой причине. «Съездил, — думал он, — парень впустую, теперь и сознаться неловко, что время зря потратил. Что в неделю путного успеешь сделать? До белых, видно, не добрался, не только там следствие вести!..»

Так я ему ни слова не сказал и уехал в Москву.

Глухонемая как в воду канула. И следов не нашли...

А мы как начали на этом фронте нажваривать да белых колошматить, так до самого Приморска догнали и к морю притиснули...

Плывите, мол, коль есть на чем!..

Приложения

ХРИЗАНТЕМА

(Сказка старого студента)

В 6-ти картинах

ВЕНІАМИН ТРОЯНОВ.

„ХРИЗАНТЕМА“

(СКАЗКА СТАРАГО СТУДЕНТА).

В 6-ТИ КАРТИНАХ.

МОСКВА. — 1913.

*Встречам мимолетным,
Ласкам беззаботным,
Мигам-сновиденьям,
Дерзостным сомненьям,
Сумрачной печали
О заветной дали
Без конца, без краю —
Сказку посвящаю.*

В. Троянов

С. Огничное-Цуриково.
Тульск. губ.
1912 г.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Рославской, студент университета.

А н а

Шурка курсистки Высших курсов, подруги.

Нина

Энгельбрехт, гусарский офицер, брат Аны.

Илья, богатый барин, студент	товарищи Рославского
Налевич, горный инженер	по гимназии.

В картинах: I — муж, жена и другие пассажиры, начальник станции и кондуктор; II — студенты-ляпинцы: Карпов, Лохматый, Пьяный и другие, неизвестный, почтальон и швейцар общежития; III — гость-студент, две дамы и лакей ресторана; IV — горничная, швейцар и артельщик в доме Рославского; V — 2 начальника партий в экспедиции: поручик и есаул, студенты-практиканты: Барский, Сененко и Володя и двое рабочих; VI — гости у Рославского: четыре дамы и четыре кавалера: студент, композитор и двое штатских... За сценой хор...

Место действия:

1 картина — в вагоне занесенного снегом поезда.

2, 3 и 4 — в Москве.

5 — в Сахалинской тайге.

6 — Вилла Рославского в Петровском парке.

КАРТИНА I

(Внутренность вагона-микст. Направо большое купе-салон I класса. Несколько высоких уютных кресел. Круглый стол. Тонкая стена отделяет два открытых купе II класса. У дверей горят фонарики, полузавешенные темным сукном. Полутемно. Окна вагона совершенно занесены снегом. Глубокая ночь).

(На диванах во II классе спят несколько пассажиров. В I классе у окна в кресле сидит А н а, около нее стоит Р о с л а в с к о й, одетый в солдатскую форму; шинель накинута, папаха в руках).

Рославской (говорит сказку). Вершины высокой-высокой горы... Стоят люди... Холодный стальной туман... Туман предрассвета окутывает их... И как-то особенно хорошо людям... Они бодрые... полны жизни... энергии... желаний... Они чего-то ждут... Ждут великого... Того, о чем рассказал им волшебник-туман, расстилаясь своими перламутровыми волнами... Ждут счастья... И раздается голос Неведомого, идущий сверху: «Рассеется туман, и вы все, стоящие здесь, увидите лес... Когда рассеется туман, лес будет синеть сплошным кольцом... И вы должны уйти отсюда... Уйти в лес... Пройти его... И только тогда вы увидите то, желаньем чего наполнено сердце ваше... ожиданье чего живит душу вашу... и представление чего тщетно старается уловить ваш разум — “ваше счастье”!.. Тысячи, миллионы троп расстелятся, лягут пред взорами вашими... И вы выбирайте, возьмите самую любимую... Но велик лес и необъятен... И не все пути в нем исчислены... Ищите их... Создавайте новые тропы... Рубите девственную тайгу и идите, идите к счастью... Когда же вы почувствуете, что труден путь ваш... что у вас не хватает сил идти дальше... тогда... тогда пусть слово “счастье” вырвется из уст ваших... И страдания ваши прекратятся... Вас не будет... Не будет ничего там, где было ваше сознание... Ваше — “я”... Вы сольетесь со всем необъятным миром... В безбрежных волнах, в струях эфира разольется ваша душа»... И люди пошли... И стал расплываться

стальной туман... Увидали лес и вошли в него... И стали искать пути свои... И был один... Один, который не пошел с ними... С ними вместе... Один вошел он в лес... И не было дороги, пути его... И он не искал... Просто, бездумно вошел он в лес... Не было тропы, к которой бы лежало сердце его... Безучастно шел он, не выбирая дороги... На богатые, красивые тропы выходил он... Любуясь каскадами сбегаящей со скал воды, широкими протянувшимися стрелой аллеями, чувствовал в сердце своем радость мимолетную... И уходил в чащу... И, пробираясь по неприступным дебрям, спускаясь по головокружительным отвесным обрывам, прорубая девственную тайгу леса, — чувствовал радость мимолетную... И снова уходил... Уходил к лесным озерам и, смотря на зеркальную темно-бирюзовую поверхность их, на спускающуюся изумрудную зелень прибрежных трав, чувствовал радость мимолетную... Ничто не захватывало... не овладевало им... И как в хрустальной глыбе собираются лучи солнца, так в душе его отразились чувства и переживания людей всего мира... Все радости, все утехи, все печали и все горести упали в его сердце... Но безучастно, бездумно шел он... И вдруг... Он увидел... Лес кончается... Леса нет... Пред ним равнина неизъяснимой красоты... Кое-где рвутся последние пушинки перламутрового тумана, и из-за горизонта блеснули лучи... Огромной хризантемой сверкали ослепительные краски солнца... И он... Он, простирая руки к солнцу, воскликнул: «Я счастлив!.. я безумно счастлив!!..» Сознание оставило его, и душа растворилась в радуге ослепительного света... И другие люди подошли к нему... И смотрели на него... И лицо его дышало счастьем и блаженством неизъяснимым... И говорили люди: «Безумец! Почему он не пошел к солнцу!.. Идемте же! Идем скорей!!» И чем дальше они шли к солнцу, тем выше оно убегало по небу... Жгло, палило лица и тела людей... И камни рвали им ноги... Обессиленные, спаленные и ослепленные солнцем, все в крови и в слезах люди шептали: «Зачем мы, когда в первый момент увидели солнце, не умерли!.. Горе нам!..» (Пауза).

А н а. Красиво!.. «Хризантема»... Красивое название... Она у вас написана?

Рославской. Нет!..

А н а. Надо обязательно написать!..

Рославской. Пытался несколько раз... Не выходит!.. Написать надо очень красиво... Как прикоснешься к бумаге — все образы и краски моментально бледнеют.

А н а. Как же вы ее помните?

Рославской. Чувствую...

Корнет (встает с дивана и из II класса выходит к разговаривающим). Черт знает, какая дурацкая история! Не доехать тридцати верст до дома и застрять на целые сутки в лесу... Как хочешь, Ана, а я завтра найду лошадей!..

А н а. В мороз? В такую выюгу?!.. На лошадях?!!

Корнет. А по-твоему — сидеть и ждать, когда господам революционерам угодно будет нас отправить?

А н а. Это же не будет долго продолжаться!

Корнет. А вы имеете какие-нибудь точные сведения? (Пауза). Недурна встреча праздника!.. (Пауза. Улыбается). Моя знакомая незнакомка опять заснула...

А н а. Мы все любовались, глядя на вас...

Корнет. «Вагонные встречи — вагонные речи...» (Зевает). Пойду на изыскания начальника станции. (Уходит в наружную дверь).

Рославской. Вагонные встречи, вагонные речи... Я с вами тоже познакомился здесь, в вагоне... Рассказал вам свою «Хризантему» вместо рождественской сказки...

А н а. Я люблю слушать сказки.

Рославской. А спать?

А н а. Разговорили — и не хочется...

Рославской. Я рад забастовке. Не будь ее, вы давно были бы дома, а я был бы один...

А н а (просто). С вами легко!.. Точно мы давно знакомы... (Смотрит в окно и старается дыханием оттаять стекло. Пауза).

Рославской (тихо). Вы... когда-нибудь... любили?..

А н а (отрываясь и взглядывая). Не слишком ли много

для первого знакомства?.. «Вагонные встречи — вагонные речи...»

Рославской. Простите!.. Я... я хотел только... чтобы вы высказали что-нибудь о себе...

А н а. Нечего рассказывать!.. Моя жизнь далеко не такая богатая впечатлениями, как ваша...

Рославской. Мне хочется того, что «там... внутри...» Вы понимаете... Сейчас мы одни... Одни в белой, безбрежной равнине, занесенные снегом... Случайно близки друг другу... Пройдет, быть может, несколько часов, и мы снова уйдем в разные стороны... Быть может, навсегда... И не услышим друг о друге... Почему не рассказать о себе... Случайно сблизиться... Узнать друг друга... Вы — первая живая душа, встреченная мной после войны, после... Москвы, после ужасов ее последних дней... Сначала война, выстрелы, бессонные ночи на лошади в горах... Затем улицы Белокаменной, снова выстрелы, снова лихорадочно-сумбурное метание... и, наконец... тишина и снежные равнины... И вы... я не знаю, как это объяснить... Я... (Замолкает. Слышен скрип подходящего поезда. В окнах мелькают огоньки).

Явление II

Корнет (входит). Еще один поезд... И ни одной скотины на станции!.. (Закуривает. Садится. Пауза). Как вы попали на Дальний Восток?..

Рославской. Бросил университет, уехал в Мукден и поступил там добровольцем.

А н а. Но ведь вас там могли убить!

Р о с л а в с к о й. Для царствия небесного диплома университетского не требуется...

Корнет. Думаете продолжать военную службу?

Рославской. Уволен в чистую отставку... Будет война — поеду опять!

Корнет. Жажда подвигов?

Рославской. Любопытство... Если дерутся двое — ин-

интересно посмотреть, если же восемьсот тысяч людей занимаются тем же самым — это еще интереснее!..

Корнет. Хм! Да-а! (Курят. Пауза. Корнет переходит во II класс).

Явление III

Кондуктор (входит). Господа! Тот поезд отправляется раньше. Кто желает, может перейти...

Пассажир (из II класса). А наш поезд? Почему?

Кондуктор. Нам ничего не известно...

Пассажирка. А тот? Скоро отправляется?..

Кондуктор. Наверное, через час... Не раньше! (Уходит. Начинаются сборы).

Корнет (стоя в дверях). Ана, ты слышишь?.. Приготовлять вещи?

А н а. Никуда я не пойду! Может быть, и тот остановится посередине дороги. (Корнет взбирается на верхний диван).

Рославской. Спасибо... Не уходите!..

А н а. Не уйду... Ну, рассказывайте!

Рославской. Еще рассказывать?

А н а. Да!.. (Большая пауза).

Рославской. Несмотря на массу впечатлений, на ту бесконечную ленту синематографа, которую разворачивает предо мной сама жизнь, мне редко бывает хорошо... Например, как сейчас... Я думаю: вот, встретил что-то хорошее... Говорить так, как мы сейчас с вами говорим, я и забыл, когда и говорил... И вот вы уедете... уйдете к своим родным, близким... к «нему»... Наверное, и у вас есть «он»...

А н а. Вы опять за старое. (Улыбается).

Рославской. Почему же нет?! Я только хочу узнать... Так... хочу... Хотя это мне должно было бы быть безразлично... Мое право... То есть, говоря правильной, и намек на право нет... Простите, я несу какую-то чепуху! (Стараясь улыбнуться, затем пауза). Одно я могу только сказать, что... мне очень бы хотелось быть около вас как можно дольше!..

(А н а задумалась. Пауза. Рославской тихо целует ей руку).

А н а. Что с вами?

Рославской. Мне очень хотелось... Вам неприятно?..

А н а. Вы сумасшедший... Мы познакомились вчера и...

Рославской. Не все ли равно... Если это вас не оскорбило... Я говорю не то!.. Этим оскорбить нельзя... Может быть, вам неприятно? Я уйду... Но если... Что из того, что мы познакомились только вчера? Может быть, вся наша встреча ограничится этим вечером... этими сутками... Почему же день нашей встречи не может быть хорошим светлым днем?..

А н а. Вы думаете, от этого он будет светлее?

Рославской. Не надо иронии... Не надо иронии здесь... Здесь так уютно, хорошо... Сумрак, полутени... Ирония там, где ослепительный свет, где видно все!.. Здесь не место ей!..

А н а (задумчиво). Может быть, вы и правы...

Явление IV

(Входят Муж и Жена... В руках багаж, картонки, подушки).

Жена. Это первый класс!..

Муж. Ну, матушка, теперь некогда разбирать! Пусть только попробуют придратся.

Рославской. Рядом второй...

М у ж (отворяя дверь, заглядывает во II класс). Там все занято!..

Пассажирка II к л. Здесь освобождаются места! Мы переходим на тот поезд! Говорят, он уходит раньше!..

М у ж (возмущенно). Что?! Кто вам сказал? Наоборот, нас переводят сюда, так как этот уходит раньше!..

(Во втором классе крики негодования:

— Вот вам и свобода! Забастовка!.. Служение родине!..)

М у ж. Возмутительно!

Ж е н а (плаксиво). Неужели же нельзя добиться тол-ка?!

М у ж. Мне бы хотелось увидеть начальника станции... Мне бы хотелось увидеть начальника...

Корнет (просыпаясь). Что такое?..

М у ж. Вы представьте, господин офицер! Нас переводят сюда, уверяя, что этот поезд уходит раньше, а здесь оказывается... Тьфу! Мне бы хотелось увидеть начальника станции... (Уходит, хлопая дверью).

Корнет. Увидит!.. Как же!..

Рославской. Все спешат, волнуются!.. А мы с вами спокойны!..

А н а. Когда вы думаете быть в Москве?

Рославской. У меня определенного очень мало... Думаю, к февралю... (Пауза).

(А н а смотрит на него, затем улыбается. Рославской вопросительно смотрит).

А н а. Я... не представляю себе вас, — женатым!..

Рославской (улыбаясь). И я тоже не представляю себе... (Пауза. Переменив тон, тихо). Мне кажется... Мной нельзя увлечься... Вернее — нельзя полюбить... Нельзя взять в мужья... Единственно, что возможно — это позволить мне любить. (Смотрит на нее в упор). Любить мгновенно или целую вечность... Но не в этом дело!.. Только позволить любить, и я буду доволен... Я постараюсь сделать свою любовь настолько красивой, интересной, что мое чувство передастся женщине и своей красотой... я верю в это, своей красотой наполнит ее жизнь, жизнь моей избранницы... Мне бы хотелось оторвать ее от прозы и чтобы она, не любя меня, забыла все и хоть на мгновение была бы счастлива. (Пауза. Рославской целует руку А н е, она не отнимает руки).

А н а. К вам идет военная форма... Почему вам не остаться на военной службе?

Рославской. Только не в мирное время... Поход — другое дело... Это тоже своего рода скитанье...

А н а. Снова университет?.. снова естественные науки?

Рославской. Нет! уйду на ерундический!..

А н а. Что-о? Бросать с третьего курса и начинать сна-

чала! Хотите отдохнуть? Ведь он и в самом деле ерундинский! (Смеется).

Рославской. Я буду «отдыхать» так же, как отдыхал на естественном! Лекции все равно не посещая... Экзамены и зачеты! Вот и все...

А н а. Разве на естественном можно ничего не делать?

Рославской. Последнее возможно на всех факультетах. (Оба смеются).

А н а. Из вас вышел бы хороший адвокат!

Рославской. Это мне говорят многие, но не в этом дело... На третьем курсе у нас, у естественников, требуется специализация, это не по моей части... Один мой товарищ второй год работает над темой «Материалы сухой перегонки дерева»... Я только хочу уйти от сухих материалов деревянной перегонки...

А н а. А я наоборот! Я в восторге от естественных наук. Этим летом я работала на морской биологической станции, ездила на миноносце в открытое море, собирала коллекции, любовалась прибоем... Чудно! Хорошо!..

Рославской. Последнее тоже входило в курс практических занятий?

А н а. Нет, серьезно... прелесть!.. Я даже написала работу!

Рославской. И все это для того, чтобы, выйдя замуж, вести хозяйство, устраивать журфиксы и прочая, и прочая, и прочая?..

А н а. Кажется, из «Домостроя»?

Рославской. Женщина... должна... (Махнув рукой). Уж очень долго рассказывать!.. Вы, например, мало похожи на курсистку, у нас таких, как вы, называют «папашиными дочками»...

А н а. Нет-с! Начали, так договаривайте! Обнажайте свои сокровенные!.. Раскрывайте свои карты, «господин Домострой»!

Рославской. К чему и что раскрывать? Ведь вы отлично знаете, что выйдете замуж и что всем морским коллекциям — крышка!..

Явление V

(Входят Начальник станции, за ним Муж и пассажиры).

Начальник ст. Господа, пожалуйста! Кто желает сейчас ехать дальше, благоволи́те пересесть в другой поезд!..

Корнет. Начальник станции!?! Я не верю своим глазам!..

(Среди пассажиров II класса суматоха).

Начальник ст. Тот поезд уходит раньше!

Пассажир II к л. Почему?! Ведь наш поезд стоит вторые сутки, а тот только что прибыл?!.

М у ж. Это просто возмутительно! Дьявол бы передрал всех ваших забастовщиков.

Ж е н а. Бога ради, не волнуйся! Ну, стоит ли... (Уводит его во II класс).

Начальник ст. (обращаясь к Ане). Сначала я предполагал отправить ваш состав, но к нему нельзя подвести паровоз... Очень заби́ло снегом пути, а в прибывшем составе имеется неиспорченный паровоз.

Пассажирка. А как же расписание?

Корнет. Об этом временно можно позабыть!..

(Сборы во II классе. Муж забирает вещи; у него выпадает чайник и стакан).

Жена. Ну, вот! Без этого вы, конечно, не можете!..

Корнет. Ана? Пересаживаемся, что ли?

А н а. До города-то мы, по крайней мере, доедем?..

Начальник ст. Всенепременно-с! Первая остановка! Только, наверно, подвезут к семафору!.. (Уходит).

Корнет. К семафору, так к семафору! Ну, Анка, я собираю вещи... (Начинает укладываться).

А н а. Хорошо! (Рославскому). А вы?..

Рославской. Мне спешить некуда! И все равно через какой-нибудь час вы уже дома... «Дальние проводы, лишние слезы».

Ана (улыбаясь). Уже будто бы...

Рославской. Нехорошо!..

А н а (переменив тон). Мы все-таки с вами еще увидимся? Вы найдете меня в Москве? Да?

Рославской (молча кивает головой).

А н а (подавая ему). Вот моя карточка... Здесь адрес и № телефона...

Рославской (целуя ей руку). Спасибо... Через час вы снова в родной семье, а я...

А н а. Вы тоже скоро будете среди друзей и близких!..

Рославской. Среди первых я всегда, среди вторых... кажется, никогда!..

Корнет (проходит), Ну, Ана, айда! До свиданья, герой.

Рославской. Я вам помогу! (берет часть багажа).

(Все уходят. Вагон пустеет. Большая пауза).

Явление VI

Рославской (входит, садится у окна, закуривает. Слышен далекий-далекий свисток паровоза). «Вагонные встречи, вагонные речи...»

(З а н а в е с)

КАРТИНА II

(Грязная комната Ляпинского студенческого общежития. Большое окно, запыленное, с разбитыми и заклеенными бумагой стеклами. У окна — деревянный кухонный стол, два табурета. На столе — чайники, спиртовка, стаканы, бумажки, книги, щетки... На перевернутом каком-то горшке жестяная лампа с газетным абажуром. По стенам комнаты четыре кровати. Грязные засаленные одеяла, подушки... Стены комнаты до потолка не доходят и кончаются деревянной решеткой... Все слышно, что делается в коридоре и соседних номерах...)

(В комнате два студента. Пьяный лежит на кровати, Лохматый сидит у стола за толстым учебником... Тихо... За сценой голоса, разговаривают двое студентов-соседей).

Первый. Пропустят!

Второй. Да, если Михалыч не заметит; Максим существо сговорчивое.

Первый. Максим здесь ни при чем... Прошлый раз они приходили, и Михалыч об этом знал и не мешал...

Второй. Тогда другое дело. Он... лежал больной...

Первый. А теперь в невольном отсутствии... Поговорили и ушли!! Жалко, девицы невинные! и не для социал-демократа!!

Лохматый. Позвольте, сосед, при чем же здесь социал-демократия?

Первый. Очень просто: я — социал-демократ!

Лохматый. Последняя новость... я совершенно не имел случая... Вы большевик или меньшевик?

Первый. Откровенно говоря, я и сам пока не задавался подобным вопросом, но, судя по тому, что питаю антипатию к низеньким, коротышкам, думаю, что большевик!

Лохматый. При чем же здесь «коротышки»?! Бебель говорит вообще...

Первый. То говорит Бебель, а я говорю следующее: признавая, что женщина, как таковая, является несомненным

орудием производства, я считаю необходимым ее социализацию, то есть общественное пользование... Вывод — я социалист! Затем... Предпочитаю толстую дебелую пейзажничку раскрашенным и тощим аристократкам — я демократ! Ваш вопрос доставил мне возможность точнее установить свою политическую дифференцировку!..

Лохматый. Хулиган!

Второй. Нечто из Рославского.

Первый. Что же в нем скверного?

Второй. Чего лучше? Провокатор!

Пьяный. Немножечко сильно сказано: прошло более двух месяцев, как его, раба Божьего... ампоше!

Второй. Ампоше-то ампоше, а затем и выпустят.

Карпов. (За сценой. Стучит). Можно?

Пьяный. Антре!

Лохматый. Только ненадолго!

Явление II

Карпов (входит в фуражке и пальто). Слышал, что здесь есть свободная кровать? Которая?

Пьяный. Даже две! После Рославского и Мурыгина.

Карпов (показывает на одну из кроватей). Свободна?

Пьяный. Да! Одеяло и подушка у Максима...

Карпов (бросает на кровать шинель и книгу). Знаю! (Уходит).

Второй. Поздравляю с сожителем!

Лохматый. Мне все равно.

Пьяный. Мне все равнее... Люблю таких типов.

Второй. Это уже слишком! Какое-то грязное животное.

Пьяный. Раз в месяц он бывает и чистым.

Второй. Не понимаю! Сто рублей в месяц получает сей фрунт из дому, а торчит здесь который год.

Пьяный. Знали бы латынь, перестали бы удивляться... До какой умственной ограниченности доводит ныне-

ших молодых людей недостаток классического образования... Приходится нам, старикам, вас доучивать... *Consuetudo*... Тьфу! Привычка — вторая натура!.. Щенки!

Второй. Пьяный дурак!

Пьяный. А если я встану... Пойду... И буду тебя бить медленно и тяжело...

Явление III

(Входят Карпов и Максим, который вносит одеяло и подушку).

Максим. Господин Карпов, какую кровать занять изволили? (Карпов молча указывает... Максим молча кладет вещи и уходит... Карпов, молча, не скидывая фуражки, валится на кровать).

Пьяный. Зачем вы не спросили у него простыню?

К а р п о в. А вы не задавались вопросом: зачем вообще задаваться вопросом «зачем»? (Пауза).

Рославской (за сценой). Привет тебе, приют священный!..

Г о л о с а. Рославской?! Какими судьбами?

Явление IV

Рославской (входит). Неисповедимыми! (Декламирует):

Невольно к этим грустным берегам
Влечет меня неведомая сила...

Пьяный. Радоваться, собственно говоря, нечему... Разница в обстановке небольшая...

Рославской. Молчите, проклятые струны!

Явление V

(Студенты входят).

Один из вошедших. Ну как?

Рославской. Как видите!

Другой из вошедших. Где же вы сидели, по крайней мере?

Рославской. *Infandum, regina, jubes renovare dolorem!*

Пьяный. Скажи им по-малограмотному! На подстрочник у них денег нету!

Рославской. Можно! Кто старое вспомянет, тому глаз вон... (Пауза). Нет, ведь какие бывают дуры на свете!

Голос (за сценой). Рославской, это, наверное, к вам две дамы приходили?

Рославской. Да знаю... Мегсі... Нет, каков случай!.. Мчусь по улице и вдруг встречаю знакомую курсистку... Девушка просто... антик! Я ее с художественным театром знакомил... Года три не видался... Подбегаю радостный... Здравствуй-те, дорогая! А она руки за спину и заявляет: «Вы — провокатор... Вы, — говорит, — на войну добровольцем ездили! Пока вы не оправдаетесь пред товарищами, я с вами не знакома...» Опомнися, а ее и след простыл! Ну, не дура ли? Хорош был бы я по ее рецептуре в роли кающегося грешника!.. Вышел бы на сходку, перекрестился и заявил: «Многуважаемые господа товарищи, я, ей-Богу, не провокатор!.. Вот вам крест!» Нет, ну не дура ли! А хорошенькая...

Карпов. Вам, очевидно, мало двух... Что значит наглодался!

Рославской. Для человека всегда необходимы три существа женского пола: одна — которую он любит, другая — которая его любит и третья — с которой он развлекается... (выходит).

Один из вошедших. При нем нашли что-нибудь?..

Пьяный. Не помню... Всю происходившую церемонию проспал... Михалыч потом рассказывал, что, когда у Рославского спросили, где его вещи, он отвечал: «На мне и подо мной»!

Лохматый (не отрываясь от книги). При нем нашли: пару носков, зубную щетку и нераспечатанный кусок мыла — «Молодость» или «Секрет Красоты» — и все. Теперь, господа, уходите! Надо заниматься!.. (Студенты уходят... Пауза).

Явление VI

Рославской (входит. Ни к кому не обращаясь. Громко).
Который час?

Голос (из дальней комнаты). Без двадцати двух минут
шесть!

Рославской. Merci! (Ложится на кровать).

Голос (за стеной. Тоскливо). Хотя бы вы, Рославской,
заболели!

Рославской. Помешал?

Голос (за стеной). Нет, напротив. Тогда бы они снова
явились...

Рославской. Чего ради?

Голос (за стеной). Пленен бысть...

Рославской. Которой?

Голос (за стеной). Которая потолще!

Рославской. Хотите, познакомлю? Вы сегодня вечером
свободны?

Голос (за стеной). Вполне!

Рославской. Тогда дело в шляпе!

Пьяный. К глубокому сожалению, дело соседа не в шля-
пе, а в брюках.

Рославской. Ка-ак?

Голос (за стеной. Печально). Он прав... Сегодня вечер
Суражевича... Он ушел давать урок, а я... увы!!!

Рославской. Злая ирония судьбы — Fatalité!

Карпов. Перевод с французского: брюки делить — fra-
ternité, без брюк сидеть — fatalité!

Рославской. Неужели же во всем Hôtel de la pain не
найдется ни одной свободной пары?

Карпов. Вечер — время боевое... Вот утром, днем — туда-сюда...

Голос Ильи (в коридоре). Рославской здесь?

Рославской. Илюшка! Прелесть моя! Ну, это черт знает, что такое!..

Голос Ильи. Да где же ты? Ничего не разберу!

Рославской. Лабиринт! Третьи ворота, направо... № 13... Чертячья дюжина!..

Явление VII

(Входит Илья, целуется с Рославским).

Рославской. Знакомьтесь! Мой товарищ!.. Гамыдов... Сожители... (Знакомятся. Илья обходит всех. Пьяный вежливо... Карпов безразлично, не вставая с кровати... Лохматый нехотя, немного удивленный, не отрываясь от книги).

Илья. Ну что? Как жив? Сейчас только узнал от дяди Кокоши, что тебя выпустили... Едем к нам!

Рославской. Дай малость отлежаться, прийти в себя, очень сегодня измотался.

Илья. Вечером в театр?

Рославской. С театром — баста! Ave Maria!

Илья. Что значит?

Рославской. Турнэ! Выперли!

Илья. Выгнали? За что? Неужели из-за политики?

Рославской. Нет, это не в их правилах! Передовые, интеллигенты.

Илья. Тогда ничего не понимаю... За что же? За что?

Рославской. Много старого зашло. Вот за что.

Илья. Все у тебя что-то такое очень быстро. То без курса приняли и роль со словами дали и, в конце концов, выперли...

Рославской. Да еще какую роль!.. (Декламирует): «Послушаем, что скажет нам боярин...» Один этот монолог что стоит! Можно было и гримчик дать, и типик. Жаль только,

что к публике все время спиной стоишь, а то я им бы сыграл! Я уже подумывал о роли «кучера» из «Горе от ума», которого «никак, вишь, не найдут» в течение всего 4-го акта... Эх ты, жизнь!

Илья. Что же ты думаешь делать?

Рославской. Во-первых, взять у тебя целковый.

Илья (пытается достать деньги).

Рославской. *Après!*

(Стук в дверь. Несмелый голос за сценой: «Виноват, сюда можно?»)

Рославской. Войдите!

Явление VIII

(Входит Штатский, прилично одетый интеллигент, лет сорока, видимо, педагог или доктор. Пьяный дремлет, Лохматый продолжает читать, Карпов лежит с открытыми глазами, но не обращает на вошедшего ни малейшего внимания. Штатский осматривает комнату. Рославской и Илья тихо разговаривают. Видимо, Штатскому что-то нужно).

Рославской. Вы, наверное, к Мурыгину... Его нет!.. Если хотите, можете написать записку... Илья, пусти от стола! Будьте любезны...

Штатский (смущенно). Нет... благодарю вас... Я не к этому, как вы назвали... кажется, Шмурлыгину... Я так...

Рославской. То есть как «так»?

Штатский. Мне бы хотелось... То есть я бы хотел сказать... мне было бы любопытно... интересно... посмотреть...

Рославской. Как?.. Что «посмотреть»?

Штатский. Посмотреть, как вы здесь живете... Я много слышал... читал...

(Напряженная пауза... Первую минуту все ошеломлены. Рославской так взволнован, что не может говорить... Посетитель умоляюще смотрит на Гамыдова. Пауза).

Рославской (стараясь быть хладнокровным). Нет, ми-

лостивый государь, это, это... (громко). Скотина! Ты пришел посмотреть? Он, видите ли, пришел «посмотреть». Посмотреть на заморских зверей, на довольно редкие экземпляры! Он, видите ли, много слышал, много читал и вот пришел... Скот!.. Хам!.. Хорош был бы я или вот сей лохматый коллега, если взял, вошел бы в твою квартиру, сел, как свинья, и сказал: «Я пришел посмотреть, как вы живете! Покажите мне подробно, как у вас все делается! Как вы едите, спите...» У, стервец!.. Пошел вон! И благодари Бога, что нет того, кого ты называл Шмурлыгиным... Он бы... (Штатский растерялся и застыл на табуретке). Вы не можете себе, господа, представить, как разволновал меня этот мерзавец!.. (Штатский скрывается... Общее одобрение, аплодисменты).

Голос (за сценой). Оглашении, изыдите!

Илья (пытается уходить).

Рославской. Сиди и не рыпайся. (Тихо). Когда я лежал больной и ко мне приходили Ана и Шурка, я очень боялся эксцессов. В соседней номере шло пьянство и картеж... Все сошло благополучно... Ни одного крылатого слова, ни звука... И только один коллега Турлов, проводивший их до экипажа, потерял свое единственное богатство — спокойствие духа! Правда, Турлов?

Голос (за стеной). Зато ел шоколад и ветчину!

Пьяный. А я пил ром!

Голос. Чтобы, Рославской, вам еще раз заболеть!

(Бьют часы... Лохматый и Карпов уходят. Пьяный дремлет).

Илья (встает). Ну, идем же! (Где-то играют на гитаре).

Рославской. Полежу! Соскучился по Ляпинке... (Большая пауза).

Илья (просто). Почему бы тебе не помириться с отцом?

Рославской. Ты серьезно или для разговора?

Илья. Совершенно серьезно... Бросил бы ты свои мытарства, сел бы заниматься, сдал бы экзамены.

Рославской (прерывая, ему в тон). Кончил бы университет, женился, поступил бы на службу, получал бы чи-

ны, и вообще, одним словом, встал на рельсы! Видишь ты... есть рельсы и рельсы... Рельсы стальные, уходящие бесконечной лентой в обе стороны, куда закинет глаз... — эти рельсы я люблю! Люблю сесть на откосе выемки и смотреть на пробегающие поезда, и с ними уносятся мои думы... Но есть другие рельсы — рельсы жизни... — я ненавижу их... боюсь... Выражаясь символистикой — если меня посадить даже в роскошный вагон жизни и сказать, что «ты будешь всю жизнь мчаться по этим рельсам и в этом вагоне вплоть до конечной станции, где будет стоять гроб твой», а гроб должен быть у всякого, то... нет! Я сойду, спрыгну с поезда, пойду в лес, поля, деревни, города и, конечно, все равно выйду на ту же станцию, но путь мой будет интереснее и даже, если хочешь, больше...

(За сценой раздается страшный грохот... Очевидно, кто-то упал и увлек за собою стол... Тишина).

Пьяный (просыпаясь). Черкасов, это вы?

Голос (за сценой). Да... (икает) я...

Пьяный. Вас можно поздравить, вы получили заказ писать архангела Михаила...

Голос. Да... Ик!..

Пьяный. У вас есть две копейки?

Г о л о с. Нет!

Пьяный. Да вы же взяли аванс... Уже?!

Голос. Да... ик!..

Пьяный. Продайте часть холста!

Голос. Нет...

Пьяный. Уже?!!

Голос. Да... ик!

Пьяный. Вам краску приносили... Михнович хотел половину купить!..

Голос. Нету...

Пьяный. Уже?!!

Голос. Да... ик!

Пьяный. Тьфу! Как же вы картину будете писать?.. Ни полотна... Ни красок... Ни денег!..

Голос (трагически). Ваши бесконечные вопросы сведут меня в могилу...

(Илья хочет достать портмоне и дать денег).

Рославской (беря его за руку). Хочешь нарваться на неприятность? Не лезь! Ведь не все такие сговорчивые, как я!.. (Пьяный уходит. Пауза). Я, собственно говоря, жду одного коллегу... он занимается в управе по статистике... думаю как-нибудь втереться туда... Проехал бы к отцу на время, да нельзя: там меня разыскивают в качестве обвиняемого... За редакторство.

Илья. По какой статье?

Рославской. Всего возбуждено, кажется, восемь дел... Обида должностных лиц... стремление к изумлению... По правде, ничего подробно не знаю, так как не могут вручить повестки... Я езжу второй год, а повестки вслед за мною путешествуют... Когда-нибудь накроют!..

Илья. А я думал...

Рославской. Нет... теперь, здесь... дело чисто — административно-академическое...

Илья. Переписываешься с отцом?

Рославской. В нашей семье этого прекрасного обычая не существует... (Пауза). Не так давно отец был в Москве, разыскал меня и водил в ресторан обедать... За обедом и спрашивает: «Скоро ли ты ученье кончишь и на службу поступишь? Ведь нельзя же, — говорит, — быть ничем! Ты, — говорит, — даже не студент... — какая у тебя наука!.. Хоть бы ты жуликом сделался — все-таки что-то определенное!..» (Оба смеются),

Голос (в коридоре). Рославской тут где?

Рославской. Здесь!.. Тринадцатый номер!..

Явление IX

Почтальон. (Входит). Телеграмма вам... (Подает).

Рославской. Кажется, в первый раз за двадцать семь лет телеграмму получаю... (Почтальон уходит. Рославской распечатывает телеграмму, пробегает ее и застывает в одной позе, скомкав в руке листок. Пауза. Молча про-

тягивает телеграмму Гамыдову... Тот читает... Тревожно смотрит на Рославского).

Илья. Значит, ты... единственный наследник?

Рославской. Значит!

Илья. Что же ты думаешь делать?

Рославской. (Быстро). Куплю себе автомобиль!.. (Большая пауза).

Илья. Ты сегодня же едешь?

Рославской. (Мечтательно). Нет, сегодня уже не стоит... Лучше завтра явлюсь в полном параде.

Илья. Ты с ума сошел! На похороны отца в параде?

Рославской. Я на похороны и не думаю ехать... Туда совсем и не собираюсь...

Илья (озадачен). Как же это? Во-первых, долг... сказать последнее «прости»... во-вторых, после него осталось состояние... обстановка...

Рославской. Долг? «сказать последнее “прости”»?.. Он не был директором департамента, я не чиновник... Официальность здесь не у места... «Сказать последнее “прости”». Но кому говорить это последнее прости?.. Труп?.. Труп даже такого человека, который меня безумно любил... Да! Когда его глаза горели, когда я слышал его голос и даже гневный голос, я стал бы говорить последнее «прости»... Но трупу, бездушной, пустой восковой оболочке, останкам!.. — я «прости» говорить не буду!.. (Пауза). Устроить дела пошлю завтра адвоката, там составят, наверное, опись, а обстановка... Обстановку сохранит наша старая нянька... От нее телеграмма...

Илья. Значит, ты его не любил?!

Рославской. Нет, не значит! Далеко не значит! Я не давал в себе развиться этой любви... Я говорил всегда, что лучше привязаться к Царь-Колоколу, к Царь-Пушке, к колокольне Ивана Великого, нежели к человеку... По крайней мере, они всегда будут стоять и я всегда могу быть около них и никто их от меня не отнимет... А привязанность к человеку... Простой клочок бумаги — и конец... (Пауза).

Илья. Но, позволь, что же будут говорить...

Рославской (перебивая). Княгини Марьи Алексевны!..

Илья?! Давай-ка лучше папироску!.. (За стеной музыка... тишина... Кто то, аккомпанируя на гитаре, поет: «Где ты, голубка родная...»)

Илья. Куда же ты собирался в полном параде?..

Рославской. К Ане.

Илья (смущенно). Сегодня? Сейчас?

Рославской. Думаешь, поздно? Ничего! Я со сходки являлся к ним в двенадцатой часу!..

Илья (растерянно). Как? Разве ты не знаешь? Ведь Ана еще не приехала из деревни.. Оказывается, ты ничего не знаешь! (Пауза).

Рославской (пораженный... шепотом...) Вышла замуж?.. (Илья кивает головой).

Рославской (роняет стакан, опускается на кровать и, сидя, заглушая рыдания). Сегодня я возьму себе... самую поганую...

З а н а в е с

КАРТИНА III

(Веранда ресторана на Воробьевых горах... Несколько столиков... Видны очертания Москвы, окутанные туманом... Чуть светает).

(За одним из столиков сидят Рославской и Шурка... На столе фрукты, шампанское...)

Рославской (облокотившись на перила, сидит и смотрит на город). Черт возьми, хороша Москва... А все-таки скучно... Куда-то взял бы и поехал... Черт знает, куда... черт знает, зачем... (Тянется к бокалу).

Шурка (отодвигая бокал). Я не дам вам больше пить... На вас это скверно действует... Неприятно смотреть!..

Рославской. А ты не смотри... Я выпью, а ты зажмурься!..

Шурка. Вы меня оскорбляете своим «ты»... Я называю вас на «вы», а вы чуть ли не с первого дня знакомства и до сих пор «ты» и «ты».

Рославской. Постоянен!.. Назвал с первого дня и basta! Ты! Шурка!

Шурка. Грубо!

Рославской. От души! Простая конструкция... Перевожу на вторую скорость... (берет бокал). Будем здоровы, как говорил мой батя!..

Шурка. Ради Бога!.. Иначе я не пущу вас к шоферу... Посажу рядом с собой.

Рославской. Э... этот номер не пройдет!.. Буду управлять сам и прокачу тебя так, что небу станет жалко!.. (Стучит).

Явление II

Лакей (входит).

Рославской. Гражданин! Пусть приготовят автомобиль... Мы сейчас едем...

Лакей (уходит).

Шурка. Сейчас еще темно!.. Ради Бога... после... немного погодя? И так сегодня (улыбается), то есть вчера, уже было два приключения, и два раза мы были в участке!..

Рославской. Утро вечера мудренее... У меня определенно рассчитано все время: от Басманной до Воробьевых... двадцать восемь минут езды и два протокола...

Шурка. И опять раздавите кого-нибудь, как эту несчастную старуху!

Рославской. Старуху?!.. Старуху нельзя было не раздавить!.. Не раздавить ее было бы противоестественно! Второй день в Москве и из Вологодской губернии!! Если бы она не попала под мою машину, то обязательно очутилась бы под чьей-нибудь другой!.. Судьба! Я и околоточному так объяснил, и он был вполне со мной согласен.

Шурка. И трамвай тоже подвернулся сам?!

Рославской. Безусловно! Виноват извозчик... Если бы он не стал поперек дороги, все сошло бы благополучно! Я только направил мотор в середину между извозчиком и трамваем! Против одного из них была сама судьба. Мойра! (Пауза). Скучно... Перевожу на третью.. Будем здоровы. (Пьет). Ход как будто развивается.

Шурка. Люди от алкоголя пьянеют... делаются веселее... а вы наоборот!

Рославской. Скучно!.. (Пауза).

Шурка. Вы совершенно сумасшедший!.. И на других вы так же действуете... Я прямо удивляюсь, что со мной? Дочь степенных родителей, славного купеческого рода, и второй день не могу попасть домой! Что только подумают!.. Боже...

Рославской. Брось, Шурка! Ты сейчас гостишь у своей подружки... Загостились — и баста! Глушитель закрыт — едем без шума... Будем здоровы (Пьет. Пауза). Черт знает, нечем дышать. (Расстегивает ворот кителя и рвет рубашку). Пардон!.. Карбюратор не в порядке... (Держится за сердце).

Шурка. Допились!! (Стучит. Входит лакей). Дайте нарзану или сельтерской!.. Только скорей!.. (Лакей уходит). Умоляю вас, не пейте больше.

Рославской. Ты думаешь, уже в гараж?! Рано... (Улыбаясь). Шурка! Твоя судьба — быть сестрою милосердия... Помнишь, как ты приходила ко мне в Ляпинку?..

Шурка. Тогда вы мне больше нравились... Лежали пайнкой...

Рославской. Еще бы, при сорокаградусной температуре... Был коренной ремонт передачи... А ты очень боялась?

Шурка. Мне было тогда вас жалко...

Рославской. А теперь?.. (Шурка молчит). Скажи, пожалуйста, с кем ты приходила последний раз в Ляпинку в тот день, когда меня выпустили... Аны уже не было...

Шурка. Не все ли вам равно... со своей портнихой... Одной было неловко... (Входит лакей и вносит воду и стаканы).

Рославской (наливает и пьет). Ух!.. Скучно!.. (Лакей уходит). Шурка! Мне пришла в голову мысль... Поедем по Волге! Завтра вечером махнем в Нижний — и валяй... (Запевает): «Вни... из по матушке...» Перевожу на четвертую!.. Будем здоровы. (Пьет).

Шурка. Совсем сумасшедший!

Рославской. И ты поедешь!

Шурка. Что?! Через несколько дней моя свадьба!

Рославской. Вам очень желательно выйти за офицера? Гм! У них и автомобили — только грузовики!..

Шурка. Зачем вы это говорите! Я и не думала! Это желание родителей... Они нашли жениха, сосватали и теперь настаивают, чтобы я вышла замуж!

Рославской. Какая ересь! Совершенно различные системы моторов! Плюнь! Поедем по Волге... Обвенчаться с ним еще успеешь после финиша...

Шурка (улыбаясь). Ну, я думаю, что после подобного финиша я едва ли выйду замуж!

Рославской. Да... ты отчасти права...

Шурка. Только отчасти... Ха! ха! ха!

Рославской. Поедем, Шурка... В крайнем случае... Перевожу на предельную! Полный ход... Знаешь что? Давай перевенчаемся.

(Шурка смотрит на него, опускает глаза, молчит).

Рославской. Нет, в самом деле поженимся! Какого черта! Мне хочется с тобой прокатиться по Волге! Ты тоже ничего не имеешь против подобного путешествия!.. Одна только заминка... Конвенансы!! Неудобно девушке с молодым человеком, неприлично! А раз так — извольте! Давай перевенчаемся! Баста! Будем здоровы. (Шурка смотрит вдаль на Москву; молчит). Мы убьем сразу двух зайцев!.. Главное, оставим за флагом твоего жениха-офицера... Вторично тебя уже не повенчают. Шалишь...

Шурка (сдерживая радость). Надо подумать. Уж очень быстро...

Рославской. Думать! Раздумывать! Я закрыл газ, полный ход при совершенно гладкой дороге! Брось! Согласна? Будем здоровы! (Тянется к ней с бокалом).

Шурка (запрокидывая голову на руки, после раздумья быстро) Да!! (Чокаются, пьют. Большая пауза). А ты меня хоть капельку любишь?

(За сценой хор поет: «Ах, зачем эта ночь так была хороша»).

Рославской. Подожди... не мешай... слушай... Мы сейчас поедем... Самое любимое занятие — мчаться на автомобиле по стогнам погруженной в сон Белокаменной... Мчаться... Мчаться, очертя голову... Мелькают дома, церкви, сады... (Декламирует):

А кто привык до полдня спать,
Тому и утра не видать...

Дуралей!.. Я всегда встаю в шесть часов вечера и ежедневно вижу восход солнца!.. Все врут календари!

Шурка. Скажи же... (подходит к нему).

Рославской. На завтра расписание таково: днем ты берешь с курсов все свои бумаги, я — свои... Вечером автомобилируем к какому-нибудь батюшке... говорим... Утром послезавтра — в церковь. Никому ни слова! Мой шофер будет

шафером, остальных приготовит батя... Затем на вокзал... Впоследствии можно будет отстартовать к твоим родным в деревню и принять поздравления, если таковые, паче чаянья, будут...

(Пауза).

Шурка. Очень быстро как-то все. (Вдали показывается компания). Я сейчас приду. (Целует его в лоб и уходит).

Явление III

(Входят две дамы в огромных шляпах и два кавалера, студент Гамыдов и другой студент. За ними лакей. Рославской сначала их не замечает.)

Студент (лакею). Приготовьте здесь... Усаживайтесь, господа... Что пьем?

Первая дама (замечая Рославского, подходит к балюстраде недалеко от него) Я хочу шампанского!..

Студент. Заморозьте две... (Лакей уходит).

Первая дама (негромко Рославскому). Видела!!!

Рославской. А, здравствуйте!

Первая дама. Ты у меня, голубчик, поцелуешься с серной кислотой!

Рославской. Я вас успокою... Через неделю и она (указывая на ушедшую Шурку) мне скажет то же самое...

Первая дама (подходя к Гамыдову). Разве вы не видите — ваш приятель здесь?

Илья. Где? А, вот он где! Наконец-то, отыскался!

Рославской. Здорово, дружище!

Илья. Уже съездил? И жив? Удивительно!

Рославской. Фигурировал на состязаньях особого рода... Судился... Да... Состав арбитров был снисходительный, скорость средняя! Арест, с заменой штрафом!.. В сущности, знаешь, правосудию помог автомобиль... Во время гонок заехал в город, был опознан знакомым приставом и сразу расписался в трех повестках... Теперь отдыхаю на лоне природы.

Илья. Решив специализироваться на курсистках! Люблю тебя за постоянство!..

Рославской. Моя невеста!

Илья. Ка-ак?

Рославской. Ты встал, точно в тебе нет бензина!.. Да! Моя невеста! Послезавтра отstartую... Делать нечего, будешь вторым шафером! Судьба! Будем здоровы. (Протягивает свой бокал Илье, а сам пьет из бокала Шурки).

Илья. Кто она? Курсистка, — я знаю!

Рославской. Подруга Аны, у нее и познакомились...

Илья. И она, зная про... все-таки согласилась выйти за тебя замуж?

Рославской. Значит, да! Ана — фальстарт!

Илья. Н-да!

(Вдали показывается Шурка).

Рославской (пуская дым, задумчиво). Глупее всего в этой истории то, что она меня, кажется, действительно любит...

Илья. Ведь это же преступление!!! Матвей!!!

Рославской. Да не может быть?!.

З а н а в е с

КАРТИНА IV

(Кабинет в квартире Рославского... Уютная, небольшая комната в одно окно... Письменный стол, широкий старинный турецкий диван, на нем постлана постель, два кресла, шкаф с книгами и газетами... Вся комната кругом обита черным сукном, черные тяжелые портьеры на окне и двух дверях... Одна дверь в глубине сцены из прихожей, другая сбоку, из спальни жены... Портьеры у окна раздвинуты... Льется сильный солнечный свет... Тихо... Бьет 11 часов... Резкий телефонный звонок...)

Горничная (входит и берет трубку аппарата, стоящего на письменном столе). У телефона, что угодно?.. Это я, прислуга... Оля... Не узнала вас, Илья Александрыч, по голосу... Барин?.. (Улыбается). Нет еще, со вчерашнего дня не бывали... И постелька их несмятая стоит... И барыни нет!.. Только недавно на курсы ушли... Наверное, скоро будут... Сказать, что вы звонить изволили?.. (Кладет трубку и начинает собирать с дивана постель, напевая песню... В прихожей слышны движение и стук дверей... голос Рославского: «Оля! барыня дома?» Оля идет к двери... Входит Р о с л а в с к о й)...

Явление II

Рославской (Оле). Пойдите, помогите раздеться... (громко в прихожую). Ну, вот видите, Нина, супруги моей нет и вам придется идти на курсы одной.

Нина (входит в шубке и капоре в кабинет). Скажите, что я заходила. (Улыбаясь, смотрит на Рославского). До свидания, я ухожу.

Рославской (тоже улыбаясь). А, может быть, останетесь? Выпьем за компанию кофе! (За руку притягивает ее к себе, желая обнять)... Ну, уговорил?!

Нина (отстраняется, смотря пугливо на дверь).

Рославской. Это безразлично!.. Оля, сбегайте и принесите... нарзану, а затем сварите кофе!..

Оля (за сценой). Сейчас...

Рославской (Нине). Все слава Богу, а ты скулила...

Нина. Являться вдвоем все-таки рискованно...

Рославской. Ересь!

Нина. А если бы она была дома? Что бы вы сказали?

Рославской. Ничего... (Телефонный звонок... Рославской берет трубку). Его!!.. Здравствуй, Илюша... (изменившимся голосом) Когда?!.. вот неприятность... Ты думаешь?.. Конечно, можно... Я думаю, из белой сирени... Хорошо, заезжай! вместе обсудим... (кладет трубку). Теперь вы даже необходимы!.. Я оставляю вас в качестве утешительницы...

Нина. Что такое случилось?.. неприятное?.. да?..

Рославской (вздыхнув). Ника умер!

Нина (в ужасе). Ника! Это тот, который у вас был... ваш товарищ... Он совсем молодой... Какой ужас! Ведь он был совсем здоров... и вы так хладнокровно об этом говорите.

Рославской. По-вашему, я должен был заорать благим матом?..

Нина. Все крайности...

Рославской. Он умер... Вы обязаны меня утешать... (притягивает ее и целует).

Нина (после большой паузы... Задумчиво... сидя у него на коленях). Бедный Ник!.. Я уверена, что вы никогда не любили своей жены... Или вы ей лгали... Уверяли ее, что любите!..

Рославской. Ничего подобного.

Нина. И не говорили?

Рославской. Ни слова!

Нина. Не поверю!

Рославской. Вам же я не говорил, что люблю...

Нина. Я и она — разница!

Рославской (целует ее). Разница... разница только в формальностях, детали — те же...

Нина (отодвигаясь). Циник!!

Рославской. Я уже испугался (целует ее).

Нина. Почему «это все вышло» — не понимаю...

Рославской. Почему бы «это все не вышло» — не понимаю...

Нина (после паузы). Сегодня вечером, конечно, не явиться!

Рославской. Почему?

Нина. Где ваша память?.. Сегодня... сегодня день моего рождения...

Рославской (целует ее). Поздравляю... и, конечно, не буду... Я предпочитаю tête-a-tête... Воображаю вечеринку по-студенчески — «сознательных голов огромный букет!..» Брррр... Мороз по коже подирает...

Нина. Вы очень не любите «толпу»?

Рославской. Не особенно...

Нина. Прочтите ваше стихотворение, которое вы читали в университете про толпу...

Рославской. Вас уже посвятили в это грязное дело?..

Нина. Во всех подробностях...

Рославской (декламирует).

Толпа — всегда толпа —
Непостоянная, безликая, слепая...
Идет ли в бой, бесстрашно умирая,
Бежит ли вспять, разбитая во прах.
И лик ее один... и одинаков шаг.
Толпа — всегда толпа...
Покорна пастуху в стремлениях своих,
Скулит она в нужде, завидуя богатству,
Поет ли гордо гимн, гимн равенству и братству,
Гнут ли медленно зауспокойный стих...
Толпа — всегда толпа...
Спешит ли на пожар... сбегается ль на драку,
Лобзает ли мощей серебряную раку,
Несет ли гения бессмертный саркофаг,—
И лик ее один и одинаков шаг...

Нина. Напишите ее мне в альбом! Как подарок...

Рославской. Как подарок, вы получите букет... Сейчас

позвоню, чтобы прислали цветы...

Нина. Как удобно! Двум сразу: одной — букет, другому — венок!.. и, конечно, из белой сирени... Лучше, пожалуйста, без букета... Я его не приму... В особенности сегодня...

Рославской. «Кесарево кесареви»... Я сделаю букет по своему вкусу...

Нина. Я букета не возьму...

Рославской. Ересь! Тогда все цветы придется изъять из любовного обихода... (Берет трубку, затем кладет обратно). Нет, лучше напишу записку... (Пишет записку).

Нина (наклоняясь к нему через плечо, целует его). Я ухожу. Сейчас явится к вам ваш товарищ... (Они прощаются... Звонок... Голос Шурки).

Явление III

(Шурка входит. Рославской сидит за письменным столом... Нина на диване... Вошедшая ее сначала не замечает). Вы уже приехали?

Рославской. Вроде того...

(Проходя в свою комнату, Шурка замечает Нину).

Шурка (подозрительно). А, и ты здесь!

Нина (смутившись немного). Я зашла за лекциями и жду тебя...

Рославской. Все врет!.. Я ее привез с собой... Я у нее ночевал... Она моя любовница!..

Нина (с плачем). Негодяй! Как вы смеее!.. Шура, что же это такое! (бьется в истерику).

Шура (сначала ошеломлена, растеряна, затем бросается утешать подругу). Боже! что он говорит! Что вы говорите, это ужасно!.. Разве можно так шутить! Ведь она порядочная девушка!

Рославской. А вам не совестно свою лучшую подругу, «порядочную девушку», подозревать черт знает в чем...

Нина (рыдает еще сильнее).

Шурка. Умоляю вас, замолчите же!!! Оля! Оля! Воды!

Рославской (дает звонок. Входит Оля, она бросается к Нине). Подождите, Оля, возьмите записку и поезжайте... Ответа не нужно... Адрес написан... Привезете цветы...

Шурка. Зачем же ты еще отсылаешь Олю? Она необходима.

Рославской. А ты на что?! Сделаешь все сама! Ну, Оля, живо отправляйтесь.

(Ольга уходит... Шурка приносит Нине воды и капель... Та продолжает плакать... В прихожей звонок. Рославской идет отворять дверь. Шурка уводит Нину в свою комнату).

Явление IV

Илья (входит, видимо, сильно опечаленный, но старается казаться спокойным). Сценка?

Рославской. Да...

Илья. Жена?

Рославской. Даже две!!

Илья. Непонятная аллегория!

Рославской. Хотел вылечить одну из них от ревности...

Илья. Операция, видимо, сошла неудачно?

Рославской. Наоборот. Все слава Богу!

Илья. Куда ты вчера удрал?!

Рославской. Не ори. (Идет и затворяет дверь в комнату жены).

Илья. Я сидел с ним всю ночь... Он умер два часа тому назад... Совершенно спокойно, как заснул...

Рославской. Уехал потому, что считал совершенно бесполезным свое присутствие... Все равно он был без сознания, ничего не понимал и не узнавал... «Хорошо умереть молодым!»... (Большая пауза). Сейчас принесут цветы...

Илья. Зачем же сюда?

Рославской. Решил делать венок сам...

Илья. Становишься непоследователен...

Рославской. Никогда не имел на это претензий...

Илья. Живу, мол, и никакого реферата не защищаю...

Рославской. Буду делать венок... На полчаса какое-то дело...

Илья. Опять меланхолия?

Рославской. Скучно, брат... Осточертело... Сбегу я...

Илья. Куда, приблизительно?

Рославской. И приблизительно не знаю...

Илья. От самого себя не убежишь!

Рославской. Знаю... Не могу я!.. Понимаешь, не могу!.. Отлично знаю, что уходить некуда и незачем, а все-таки уйду...

Илья. Снова в путешествие, подобно английским всесветным туристам... *globe-trotter*'ам?..

Рославской. Нет! Без всяких бедекеров и *express*'ов... Уйду прямо так, в чем хожу...

Илья. По стопам графа... И ему это удалось только в его сочинениях...

Рославской. Хочу прыгнуть.. Понимаешь, прыгнуть с рельс... С поезда... Куда глаза глядят... Знаешь... Я чувствую огромный беспредельный мир... Волнения... Страсти... Ощущения... Энергию... И вот, только кругом меня пусто, темно, мертво... Вот шаг... и — что-то предо мной откроется. (Пауза... Опустив голову, печально). Ничего не откроется... (Пауза).

Илья. Жена ничего не знает о твоих замыслах?

Рославской. Не спрашивал...

Илья. А она как?..

Рославской. Жила с родителями, живет с мужем, будет жить с... ребенком... Средств хватит... Все принадлежит ей, у меня только доверенность...

Илья. Скажи хоть раз в жизни правду. Неужели тебе не жаль будущего ребенка?.. Твоего ребенка...

Рославской. Нисколько... С ребятами только вонь и писк... Щенята куда забавнее!..

Илья. Кто-то про тебя сбрехнул, что ты благороден в своем цинизме!.. Какое тут к черту благородство... (Смотрит на часы). Гм! к тебе приедешь по делу, а ты всегда на

три короба ерунды насажешь! Я чуть было не опоздал... Надо сдать объявления в газеты и сейчас же вернусь... Я возьму твою машину?!

Рославской. Конечно... (Илья уходит). Конечно... (Громкая пауза... Рославской сидит, глубоко задумавшись, устремив взор в одну точку, курит... Голос за сценой Шурки: «К тебе можно?»).

Рославской (не переменяя позы и все о чем-то думая). Конечно... Конечно...

Явление V

Шурка (Входит... Ласково...) Ты очень расстроен? Бедный Ника!

Рославской. К делу, товарищ!

Шурка. Прости меня за мой тон. За подозрение... Я не знала, что Ника умер... Тебя еще более раздражила... Я виновата... прости!.. (Пауза. Заглядывая ему в лицо). И ты... попроси... прощения у Нины... Я просила уже сама, и она... Ты должен тоже попросить...

Рославской. Ведь дело кончено... Ты поговорила...

Шурка. Умоляю, ну, сделай, что я прошу...

Рославской. Когда-нибудь после...

Шурка. Сейчас! Сейчас! Ты пройди к ней и успокой, а я похлопочу и распоряжусь завтраком... (Уходит).

Рославской (сидит, задумавшись). Распоряжусь завтраком...

Явление VI

Нина (проходит, чтобы с дивана взять свою шубу и капор, которые до сих пор там лежали).

Рославской (замечает ее, встает, берет ее за руку и шутливо напевает:)

Полно, миленький, сердиться,
Полно губки надувать,
Не пора ль, милой, мириться,
За косушкой посылать!..

Бросьте, Нина! Ну, мир?..

Нина. Какой-то ненормальный!.. Как у вас хватило духа? Ну, разве можно на вас сердиться?.. (Он обнимает ее).

Рославской. Конечно, нельзя... Вы сами виноваты... Не оправдывайтесь... Надо же было разом прекратить все подозрения...

Нина. Я совершенно этого не ожидала...

Рославской. Почти уверен... Истерика вышла пренатуральная. (Она отшатнулась и смотрит на него со страхом). В этом случае чуть-чуть фальши и все пропало... Молодец! (Пытается ее поцеловать... В этот момент Шурка выглядывает из-за портьеры... Лицо ее полно неописуемого страдания и ужаса... Она скрывается... Ее не замечают... Рославской садится к столу... Нина на диване).

Рославской. Если вам нервы не поцарапывать, то все вы толстокожими станете...

Нина (после паузы). Почему вы не перемените обои?.. (Пугливо озирается).

Явление VII

Шурка (входит). Придется ехать завтракать в ресторан... Дома ничего нет, и Оля не возвращалась...

Рославской. Обыкновенная история... (Шурке). Ты, курочка, чего нахохлилась?

Шурка. Устала... Ты в котором часу на панихиду поедешь?.. Мне надобно купить крепу... и...

Рославской. Тебя Илья довезет... (Звонок).

Явление VIII

Илья (входит). Ну, вот и я! Что же вы сидите, едемте завтракать!

Рославской. Я не хочу... Полежу...

Илья. А вы?..

Шурка. Мне только заехать к портнихе.

Нина (просто). И я с тобой.

Илья. Ну, тогда собирайтесь. (Дамы и Илья выходят). Сначала позавтракаем, а потом я вас отвезу! (Когда все уходят, Рославской выносит все свое платье и ботинки на диван... Завязывает все в простыню и садится к столу... Звонит)...

Явление IX

Швейцар (входит). Звонить изволили?

Рославской (пишет). Принесите корзину, сложите все это и отправьте с дворником на Дмитровку... дом Ляпиных, пусть спросит студента Карпова и отдаст... Он знает... ездил...

Швейцар. Письмо им какое будет?

Рославской. Прямо так отдаст!.. И принесите мою деревенскую свитку и сапоги... (продолжает писать).

Швейцар. Там цветы привезли... Забыл доложить...

Рославской (показывая ручкой пера в угол). Сюда!.. (Швейцар уходит... Приносит корзину, свитку и сапоги... Укладывает узел в корзину... Артельщик вносит цветы... Швейцар помогает ему уставлять).

Рославской (перебирает ящики стола, рвет какие-то бумаги, карточки, письма... смотрит на цветы)... Насчет цветов скажете Илье Александровичу, когда приедет... Везите поскорей корзину!..

(Швейцар и артельщик уходят).

Рославской (оставшись один, переодевается в свитку

и сапоги, берет старую студенческую фуражку... Осматривает комнату... Кладет на видное место письмо... Звонок...) Придется, как жулику, удирать черным ходом... (Уходит). (Звонок... За сценой недовольный голос Шурки: «Дверь не замкнута, и никого нет!..» Н и н а: «Ты сама хороша — деньги забыла!» Входят Шурка и Нина).

Явление X

Нина. Цветы привезли... Посмотри, может быть, портмоне лежит где-нибудь здесь...

Шурка (идет к столу, бросает беглый взгляд, замечает письмо). Что это означает? рука мужа (читает письмо и тихо вскрикивает... плачет)... Ушел!.. Совсем ушел... (плачет и взглядывает на Нину). Почему же ты здесь? Ведь он к тебе ушел... (грустно). Слышала... я... слышала... все слышала... (тихо плачет).

Нина (стоит пораженная, ничего не понимая).

З а н а в е с

КАРТИНА V

(Берег Охотского моря на Северном Сахалине... Палатка с широко раздвинутым брезентом; внутри видны походные кровати... на одной из них лежит поручик... Около палатки врытый в землю стол, кругом — ящики, походные стулья... Направо начинается тайга, в глубине направо — землянки рабочих... Слева спуск к морю... виден залив... далеко-далеко узенькая полоска земли... Заходит солнце и бросает лучи на залив... Вдали горит костер... сушится одежда... Сидят двое рабочих...)

(На ящиках у входа в палатку сидят два студента — Барский и Сененко. Барский чертит у стола... Сененко чистит ружье... Слышна «Дубинушка», выгружают какую-то тяжесть).

Барский. Черт возьми! Напутают в промерах, а ты передылай! Не помнишь: Бельсалева заявка на каком берегу?.. на правом?..

Сененко. Кажется, на левом!

Барский. «Кажется»... тьфу!.. Испанцы!!

Сененко (припоминает). Конечно, на левом... тогда Рославской провалился в воду...

Барский. Да! Мы шли от вышки влево и переходили вброд... (чертит... пауза... слышен очень далекий выстрел)...

Сененко (поднимает голову, слушает). Кто-то выстрелил!.. Охотиться некому...

Барский. Наверное, есаул забавляется... Сказал бы, что это поручик из браунинга в китов постреливает, — да он дрыхнет...

Сененко. Знаю... Опять есаул заблудился... Опять будет всех уверять, что азимуты перепутал... Я дам ответный выстрел... (быстро вкладывает в винтовку патрон и стреляет в воздух)...

Поручик (испуганный, полураздетый выскакивает из палатки). Что случилось?! нападение?! (студенты хохочут). Господа, я сколько раз просил не стрелять в лагере! Пугаете людей! Свинство...

Сененко. Есаул стрелял... заблудился... (Слышен далекий выстрел). Слышите? теперь придет!..

Поручик. Авенир!! Сапоги высохли?

Рабочий. Еще вчерась высохли... (Входит вместе с поручиком в палатку...).

Барский. Наконец-то, его благородие встать изволят!..

Сененко (смотрит на часы). В Питере сейчас порядочные люди ужинать едут... (вздыхает). Эх!.. Испания!!

Поручик (выходит из палатки одетый, подсаживается к столу... Пауза). Будем пить чай!.. За компанию... господа?!.

Сененко (подмигивая Барскому). Поручик, дайте шоколаду!..

Поручик. У меня нет... ей-ей!.. Только у есаула остался!

Сененко. Врете, поручик! У вас под кроватью есть ящик японских галет, там внизу шоколад!

Поручик. Вы почему знаете?!

Сененко. Когда Рославской уезжал, то забрал себе на дорогу... и нас угощал за молчание и сокрытие!

Поручик. Вот почему я половины плиток не досчитался... Авенир!!!

Рабочий (принося чайник и стаканы). Чего изволите?

Поручик. У нас шоколад остался?

Рабочий (смотрит на студентов). Никак-с нет-с!..

Сененко. Михаил!! Принеси из-под кровати поручика ящик! (От костра идет второй рабочий).

Поручик. Не надо!! Я сам!! Авенир, черт с ними, неси ящик! (шутливо). Экая вы, Ткаченко, скотина!

Сененко. Поручик, вы упорно величаете меня Ткаченко, моя фамилия Се-нен-ко!..

Поручик. Привык... У меня в эскадроне вахмистр был Ткаченко! (Авенир выносит ящик... Студенты пытаются хозяйничать)... Не утруждайтесь! Я сам! (Берет одну плитку и дает ее студентам). Авенир, уноси!..

Рабочий. Так что, позвольте вам доложить, ваше благородие, банка со сливочным маслом вскрыта!

Поручик. Как?! Что-о?! Кто посмел?!

Рабочий. Наверное, господин Рославской изволили на дорогу брать...

Поручик. Всю морду я тебе, мерзавец...!!! Сейчас же запаять банку!!.

Сененко. Чего ее запаивать, когда там на донышке.

Поручик. Не ваше дело!!.. Нет, господа, серьезно... так нельзя... В результате мы будем без всего...

Барский. Стыдно, поручик, жадничать... Осталось всего два месяца!

Поручик. Два месяца не жук начхал... Есть, пить надо!..

Сененко. Шоколаду и коньяку хватит... вот муки — нетути!!.

Поручик. Рославской привезет из Александровска...

Сененко. Не раньше, как через шесть дней!..

Поручик. Перебьемся!.. Налевич не возвращается... — вот что меня беспокоит... Пароход разгружен, его ждать не будут...

Барский. Собственно, что Налевичу здесь делать?

Поручик. Главный инженер?! Заберет заявки, планы и через Японию и Владивосток — в Питер!!.. Сделает доклад о ходе работ на местах...

(За сценой крики: «Гоп! гоп!»)

Барский. Господин есаул изволят возвращаться...

Поручик. Авенир! тащи другой чайник и стаканы!!.

Явление II

Володя (вбегает с ружьем за плечами)... Ух!.. Наконец-то! Только вы, есаул, рабочих, пожалуйста, не ругайте! Они ни при чем!

Есаул (медленно идя за Володей с инструментом). Как ни при чем! Он, скотина, когда я разговаривал с англичанами, две точки проморгал, и я вместо одного азимута... (Взрыв хохота среди студентов. Поручик улыбается). Тьфу! Дайте коньяку!!! (Уходит в палатку переодеваться)...

Володя. Поручик, у нас спирту нет?

Поручик. Нет-с!.. привезут скоро...

Володя. Рабочие мокры, как... киты!.. (Студенты смеются). Придется им дать коньяку!

Поручик. Конечно, не бенедиктину!..
(Есаул садится к столу).

Сененко. Есаул, как это вы говорите, «с англичанами разговаривали», ведь они ни слова по-русски, а вы столько же по-английски?..

Есаул. Оставь, пожалуйста! (Смех). Никому проходу не даешь...

Володя. Вы на него, есаул, не сердитесь, он известная, как сказал поручик, спиноза... Нет, каковы англичане!.. Прекрасно поняли, что мы сбились с дороги, блуждаем зря по тайге с пяти часов утра — и хоть бы что! Мускулом не дрогнули!.. Хоть бы слово... Есаул ругается, рабочие перетрусили, а они идут да курят!.. Молодцы!.. Как еще мы совсем не заблудились?.. Чудеса!.. Если бы не «Дубинушка», то никто бы и не догадался, что мы близко около берега... Тайга дьявольская...

Рабочий (подходит). Так что две лодки идут... Одна близко, от проливу, другая далече, от материку!..

Поручик. Ура! Наконец-то! Налевич едет! А другая «от материку», наверно, гиляцкая, с рыболовами... Пойти встретить Налевича... (Уходит вместе с Барским и Володей).

Сененко. Это вы, есаул, заявочку на Баотысане изволили ставить?

Есаул. Я... а что?..

Сененко (вздыхнув). Опять наиспанили!.. От вышки раз стояние не выходит.

Есаул. Все равно заявка бесполезна, там нефтепровод пойдет к тому месту, где пристань будет...

Сененко. И то хлеб...

Есаул. А катер собрали?.. Э, черт! Комары!

Сененко. Завтра будем пробовать... Эй, панове, костер сюда!

(Рабочий приносит веток... раскладывает костер... вхо-

дят Налевич в форме горного инженера, поручик, Володя, Барский... несут в палатку портфель и вещи).

Явление III

Поручик. Благополучно путешествовали?
(Все рассказываются за стол).

Налевич. В проливе чуть не застрял... мелководье... а как планы?

Барский. Готовы! Сегодня за ночь перекалькируем и... завтра берите!

Налевич. Я заезжал на пароход... Наверное, послезавтра... (Поручику). Есть что-нибудь из Питера?

Поручик. Рославской уехал в Александровск еще до вас... вернется дней через пять, не раньше!.. До Александровска и обратно *minimum* 15 дней...

Налевич. Рославской?.. Знакомая фамилия... Разве он из Петербурга? Я что-то такой фамилии в списках не встречал...

Володя. Он поступил к нам во Владивостоке... Оригиналы!.. Когда мы везли из Шанхая с англичанами машины, «Ткаченко» познакомился на пароходе с одним матросом... бывшим универсантом...

Поручик. Попросился на службу в нашу экспедицию... Я поручил ему хозяйственную и разъездную часть... Боевой парень...

Налевич. Рославской?! Гм... Не может быть... Наверное, не он...

Поручик (осторожно). Политик?

Налевич. А как его зовут?

Поручик. Матвей!

Налевич. Вы знаете, это он... Мой товарищ по гимназии...

П о р у ч и к. Удивительно!

Налевич. Последний раз я его встречал в Ялте... вечно на автомобиле или верхом.

Поручик. Скажите пожалуйста... А у меня жалованья просил хоть четвертной билет...

Явление IV

Рабочий. Так что, господин Рославской едут!

Все. Что? Каким образом? Не может быть? Не мог он быть раньше пяти дней...

(Сененко, Барский и Володя бегут встречать).

Поручик (тихо Налевичу). Как он насчет политики?..

Есаул. Поручик, да ведь здесь Сахалин!.. Двенадцать тысяч верст до матушки России... Какая тут политика!.. Гиляков, что ли, в эсеров перекрашивать!

Налевич (смеется). Успокою вас... — чист, как агнец!.. только вот, наверное, разыскивается из-за автомобильных протоколов...

Явление V

(Входят Рославской и все студенты. Рабочие мало-помалу вносят ящики).

Рославской (подходя к поручику, шутливо отдавая честь). Честь имею явиться... Прибыл благополучно! (Подает пакеты).

В с е. А письма?

Рославской. Все передал поручику. (Здоровается с есаулом и подходит к Налевичу, сначала не узнавая, представляется). Рославской!

Н а л е в и ч. Матвей? Ты? Здесь?

Рославской. Налевич! (Целуются...) Судьба! Ну, как жив?.. Кажется, во всех уголках России у меня товарищи... Вот что значит отдать университету десять лет лучших жизни...

Налевич (смеется). Ну, не грехи... с *alma mater* ты меньше всего имеешь общего... (после паузы). Что, брат, с тобой вечно метаморфозы!.. Неисправим, хоть брось!

Поручик (просматривая бумаги). Матвей Матвееч, материальная часть и провиант в порядке?

Рославской (держа под козырек). Так точно! По списку двадцать два перенумерованных ящика...

Поручик. Авенир! разбери ящики по номерам... Вы что же, на аэроплане слетали? Как же это вы успели обернуться в десять суток?

Рославской. В девять с половиной, дорогой поручик! Я выехал отсюда утром.

Поручик. Тем более удивительно...

Рославской. Мне хотелось поставить сахалинский рекорд для гиляцких лодок... Гиляки только, очевидно, не спортсмены... Лежат на берегу без задних ног... Даже за спиртом нейдут!! (Обращаясь ко всем). Всю реку Тымь и Нейский залив мы шли туда и обратно без ночевки! От Ада-тыма до Александровска, не слезая, верхом!.. Переменил только трех лошадей!! Приехал в Александровск, сутки проспал пластом, пока делали закупки по списку, и обратно!! Да!.. Я, поручик, вместо шоколада арбуз привез!

Поручик. Да ну вас!

Студенты. Где арбуз? Где? поручик, угощайте!

Рославской. Василий! тащи сюда гостинец.

Налевич. А жена? Автомобиль?

Рославской. Эх, брат, хватил! Такая на меня меланхолия напала, что просто жуть! Ну, думаю, довольно... Паспорт, ключи, бумаги, письмо — жене, автомобиль в гараж!.. а сам (свистит) ремонтный рабочий на железной дороге — раз!.. актер — два!.. шофер — три!.. матрос — четыре!!! В результате Сахалин... рассказывать подробно — все равно шахерезада получится.

Н а л е в и ч. Ну, здесь-то ты, по крайней мере, доволен?.

Рославской. До сих пор? Да! (Осматривается кругом... пауза). Тайга... свинцово-стальное небо... облака... бесконечная даль океана... новые места... Особенно по душе такая

походная жизнь... Эти ящики, палатки, складные кровати, консервы... У берега катер... И, главное, что раньше нас здесь не было никого... ни души... Мы первые... все кипит, горит, работает... восторг!!!. вечерами огни, песни рабочих и суровая темно-синяя гладь залива... Эх! Хорошо!!

(Из-за леса выскальзывает огромный красный диск луны.... Костер... Тишина... Слышна вдали хоровая песня р а б о ч и х:

Долго я звонкие цепи носил,
Долго бродил я в горах Акатуя,
Старый товарищ бежать подсобил,
Ожил я, волю почуя...

(Пауза... все слушают песню).

Рославской (задумчиво, тихо). Ты отсюда через Японию?

Н а л е в и ч. Да!.. а что?

Рославской. Так...

Налевич (смотрит на него с укоризной и грозит пальцем).

З а н а в е с

КАРТИНА VI

(Петровский парк... Дача Рославского... Ночь... Любимая комната хозяина... Прямо в середине задней стены, идущей углом, огромное, зеркальное, венецианское окно... в него виден хвойный лес, занесенный снегом... Небольшая снежная поляна... Мягкий серебристый свет луны, скорее, отблеск... Вдоль всей задней стены широкий турецкий диван, подушки, ковры... Налево от зрителей небольшой кусочек стены... с аркой... Занавес... За занавесом рояль (невидим)... В правой большой стене арка... портьеры. У арки на столике телефон... около, ближе к авансцене, лонгшез... Несколько низких турецких столиков... По углам комнаты два треножника с электрическими лампочками... Фигуры лампочек — «пылающий огонь»... На полу ковер... Наверху штофный купол... Вид комнаты — внутренность неровно перерезанной бонбоньерки... Весь тон комнаты, стен, потолка, пола, диванов, портьер, ковров — золотисто-розовый (*saumon*)... Столики черные с золотом... В начале действия темно, и лунный свет падает на часть правой арки и кусок пола...)

(Входят Энгельбрехт и 1-я дама... Энгельбрехт зажигает свет).

1-я дама. Ах, какая прелесть!

Энгельбрехт. Говорил я вам, что здесь презабавно... Плюс — полнейшее инкогнито!.. И тайна... Кроме приглашенных, никого... даже прислуги!..

1-я дама. Смелая фантазия у этого человека...

Энгельбрехт. Кроме еще, кажется, двенадцать комнат... Каждая из них может быть обращена в гостиную, залу, кабинет, спальную и даже келью. Последнее, кажется, больше всего по вкусу «безумному миллионеру»!..

1-я дама. Оригинальная обитель... О ней так много говорят в Москве...

Энгельбрехт. Пребывание здесь называется не то «у самого себя», не то «с самим собой»... Но дело не в названии, а в назначении... (Указывая на левую арку) Там самая

маленькая, но, наверное, самая доходная эстрада в Москве... для мело-моно-... мимोगрафии... Далее, зал в стиле «ну-во мавритэн»... Одного только недостает: это приличного кадра купающихся одалисок!.. А потому предприятие бронзовое... все равно... хотите пройти посмотреть?

1-я дама. Конечно, идем! Отсутствие одалисок меня нисколько не печалит! (Смеются... уходят. Слышны шум и веселые голоса, входят Илья и Нина).

Явление II

Нина. Вы правы! Сюда лучше приезжать на тройках... автомобиль дисгармонирует...

Илья (наклоняясь к ней). Вы помните?.. За стеной в столовой ваша **таман**, брат... У нас же темно, и мы...

Нина (закрывая ему рот). Не надо говорить об этом!

Илья. Вы правы... Не надо говорить об этом... Говорить громко... Но после... среди множества людей я люблю... подойти к женщине, посмотреть ей прямо в очи глубоко-глубоко, чтобы она видела взор мой и поняла только она, и тихо-тихо спросить: «Ты помнишь?» Спросить, чтобы из глаз шла страсть и тайна... — «Ты помнишь?» И между мной и ей протягиваются невидимые нити, и мы среди всей толпы, разъединенные множеством, — все-таки — одно!.. (Тихо говорят).

Явление III

Энгельбрехт (быстро входя). Сейчас я позвоню!

1-я дама (смотря на часы). Простите! Еще рано... Дайте ей № этого телефона... Она позвонит сама!..

Энгельбрехт. Это невозможно! Этого телефона в абонентной книге нет! И штепсель всегда вынут... Отсюда можно, сюда нельзя!..

1-я дама. Оригинально, но неутешительно...

Энгельбрехт (заметив парочку). Здравствуйте, дорогие друзья! Позвольте представить — моя подруга...

Илья. Моя подруга.

1-я дама (смущаясь). Что это значит? «Моя подруга»?

Энгельбрехт. Очень просто — «моя»! Вы вошли со мной... Теперь ваш псевдоним «подруга гусара»... Вы познакомились с «подругой студента»... и так далее...

1-я дама. Друзья?.. Подруги?..

Энгельбрехт. Не помните?.. «Сначала друзья, затем любовники, потом приятели»... или наоборот... Не помню точно...

1-я дама. Откровенно...

Нина. Обитель эта стоит безумных денег...

Энгельбрехт. После него некому получать наследство!..

Явление IV

(Входит группа гостей... Среди них Рославской и Ана).

Рославской (продолжая разговор). Затрудняюсь ответить... Я люблю слушать музыку, но бывать на концертах, в опере, — для меня мука... В театре есть по крайней мере стойла, именуемые ложами, на концертах же приходится сидеть Бог знает как... крутом шепот, разговоры... одна отрава!.. Здесь я могу сидеть, лежать, ходить, курить, мечтать и... слушать... В детстве я любовался лесом, облитым светом луны, и тогда мечтал построить стеклянную стену. Летом я сюда не приезжаю... Дорогие друзья! Кому угодно?.. Кто захочет посмотреть мой «музей» в кавычках?.. У всякого миллионера бывает обязательно музей, как у баронов — фантазии... Милости прошу далее через залу (указывает рукой). (Все, кроме Аны и Рославского, уходят).

А н а (останавливая его). Слушайте, вы, безумный человек, вот я и приехала! Приехала затем, чтобы посмотреть то, что вы называете «у самого себя»...

Рославской. «С самым собою»... (Целует ей руку). Чего мне более желать?

А н а. Не надо... Ради Бога... Это мимолетный каприз.

Рославской. Нет, это не каприз! Это, может быть, цель всей моей жизни... У меня нет ничего, чего бы я хотел и не мог!.. Не мог только одного... — чтобы ты была здесь!.. Я вижу вас, и я счастлив. (Пытается ее обнять).

А н а. Ради Бога...

(Слышны голоса, смех... входят г о с т и).

Явление V

Энгельбрехт (Ане). Миллион свидетельств и аттестатов, а также повесток... Вместо паспорта какая-то мозаика византийского письма. Среди всего черный с золотом «манифест» партии на восемнадцать с половиною шагов левее здравого смысла!.. (Обращаясь к Рославскому). Все это достаточно дезинфицировано, по крайней мере?!

Рославской. Безусловно... По самым последним требованиям антисептики!

А н а. И вы все это храните? Зачем?

Рославской. Пусть валяется, если люди удивляются... Мне и самому это все надоело, только зачем выбрасывать!.. Отовсюду, из всех концов мира у меня по кусочку воспоминаний...

Энгельбрехт. Не мешало иметь кусочек полюса... Хотя бы северного...

А н а. Такие остроуты стоят действительно много ниже нуля...

Энгельбрехт (шутливо сестре). Какой Скабичевский нашелся!..

1-я дама. Правда, что в Японии птицы не поют и цветы без аромата?..

Рославской. Не помню... говорят — так!..

А н а (смотря на приколотую к корсажу хризантему). Вот японская... Красива, но мертва... аромата нет... Такая

же бывает и жизнь!..

Нина. Где же вам понравилось больше всего?..

Рославской. В Индии... вот и оттуда кусочек... (показывает на руке кольцо с большим камнем). В этом камне... Страшно говорить... Яд... яд, убивающий почти мгновенно... без мук...

А н а. Я за вас начинаю бояться...

Рославской. Разве не знаете?.. Тот, кто носит револьвер — тот не застрелится!

А н а. Зачем тогда носить!

Рославской (шутливо). Так страшнее!.. Разве камень сам по себе не оригинален?! (Пауза). Мы медлим... благодаря присутствию новых лиц, мы ушли в исследование времен доисторических... в эпоху каменного века...

Энгельбрехт. Великий безумец! Ты прав! Переходим сразу в век великих изобретений...

Друзья, нальем бокал полнее,
И будем мы за счастье пить...

(Все мужчины, кроме Энгельбрехта, уходят... Он стоит около сестры).

Энгельбрехт (Ане негромко). Предупреждаю, Анка, просилась сюда сама... Потом на меня не пеняй...

А н а. Он мне дал слово!.. Неужели все, что говорят в Москве об этой даче, — правда?

Энгельбрехт. Преувеличивают мало!. (Отходит к дамам)...

(А н а в раздумье полулежит на лонгшезе).

1-я дама. Откуда все это? Недавно еще он был матросом, рабочим... и просто, говорят, нищенствовал... Удивляюсь!

Энгельбрехт. Удивляться нечему! Виновата Америка!.

1-я дама (недоумевая). Америка?..

Энгельбрехт. Та знаменитая Америка, откуда всегда берутся вовремя богатые дядюшки... Об этом и в газетах пишут!.. Здесь было нечто двухстороннее... Сначала действительно бедность и даже Ляпинка!.. Там, простите, дорогие

подруги, одна пара брюк на троих... Затем смерть папаша, богатого подрядчика... домики, дачки, именице и некоторое количество сухого, разумеется, горючего материала... Затем небольшая экскурсия в область неизвестного... Мимоходом женитьба с довольно счастливым, простите, дорогие подруги, исходом... Развод — спустя двадцать девять суток, четырнадцать часов и пятнадцать с четвертью секунд после свадьбы!.. Выражаясь по секундомеру, он сделал без одной три четверти круга медового месяца... Простите за беговое отступление... Я продолжаю... Затем «выдь на Волгу, чей стон раздастся» и тому подобные вариации на темы русских народных романсов и, наконец, Америка! Без Колумба, но с возмутительным количеством карбованцев... Последние, хотя тоже горючий материал, но, по своей консистенции, довольно-таки огнеупорный...

Явление VI

(Входят Рославской и гости... вносят шампанское, кофе... ликеры).

Энгельберхт. К делу, господа! Итак, мы начинаем!..

Штатский (Рославскому). Безумец, ты знаешь, куда позабыл съездить?

Рославской. Изреки, отче!

Штатский. К голодающим! испытать интересно новые ощущения!..

Студент. Вот по этому вопросу мой дядя специалист! он не верит в голод!.. (Передразнивая). Помилуй, мой друг, какой же в деревне голод? Мужик поймает двух пескарей и сыт!..

Рославской. Ты бы посоветовал дяде отправить свои рыбные коллекции... Пусть бы мужички золотыми рыбками полакомились!

Штатский. Убеди его, что пескарей не хватает!.. (Смех).

Энгельберхт. Друзья!.. Довольно!! Бога ради, без гуманизма!.. Maestro! Найдите другой аккомпанемент для

шампетра... (Maestro идет к роялю... Раздаются звуки траурного марша Шопена... все рассаживаются... Парочки уходят и приходят)...

Рославской (Ане, тихо). Шесть лет прошло с нашей первой встречи... И каждый раз после разлуки ты смотришь на меня, как на чужого... постороннего... Каждый раз я не узнаю тебя... не могу примириться с твоей переменой... посторонностью... И только, когда мы остаемся одни... когда я начну говорить тебе о своей любви... только тогда ты, Ана, ты другая... моя хорошая Ана...

А н а (задумчиво). Когда тебя нет, я спокойна... Ты прав... когда же мы остаемся вдвоем, и ты ласкаешь меня... (тихо) не знаю, может ли кто другой так ласкать?..

Рославской. Снова, как прежде, я спрашиваю тебя, Ана, любишь ли ты меня?.. (Пауза). Я знаю твой ответ! Человек, зная свою неизлечимую болезнь и понимая роковой исход, все-таки спрашивает доктора: «Буду ли я жить, доктор?..» Все-таки ждет, что ему обещают здоровье... я знаю твой ответ, Ана... (шепотом). Обмани меня, Ана! Умоляю!

А н а. Буду говорить прямо!.. все-все!.. Я не знаю, что мне делать... На что решиться?.. Жизнь, которую я веду... и все, что окружает меня, есть во мне и около меня — все надоело, опротивело! Порой я мечусь, словно сумасшедшая... не знаю, на что решиться... Но порвать цепи, как вы всегда мне говорили, и идти к свободе... я не могу... тоже не в силах... что-то не позволяет... и я знаю почему!.. (тихо) я не люблю вас...

Рославской (опускает голову, каменеет... пауза).

А н а. ...и не могу любить никого!.. Голубчик мой, не обижайтесь, пусть это не оскорбит вас... «Любовь чужда моей душе». Но поймите!.. любовь — продолжительная страсть!.. Та любовь, которую воспевают, о которой говорят, что она единственная, что дает счастье — вот этой-то любви я не знаю и, пожалуй, не знала... Я совершенно искренне говорю, что я хотела бы полюбить так!.. полюбить сильно, безумно, чтобы сгореть в этой любви... Я очень желаю этого и... все-таки не могу... Становится холодно, страшно жить! Что же это?.. Что же это, наконец?

Рославской (пытается что-то сказать ей).

А н а. Вас я ценю, ценю, как хорошего, умного, порядочного человека, а главное, умного... Я выше всего ценю ум и доброту... Умный, но злой мне несимпатичен... Я бы очень хотела, но... Мне с вами лучше, чем со всеми остальными.. Но говоря правду, нет любви, нет и нет!!

Рославской. А он?.. муж?.. Ана!

А н а. Всю жизнь с ним... в особенности после вашего второго приезда, я размышляла о наших отношениях... (пауза). Не знаю, что удерживает меня от конца... Не знаю... Как человека я его уважаю, как мужчину — не выношу! Но... я не могу жить без того, чтобы меня не любили, не баловали, не заботились обо мне! Ласка и любовь мне нужны, но не такие, какие он... Мне кажется, я урод, а не человек...

Рославской. «У меня нет любви»... «Я не люблю никого»... и у меня... или, вернее, и я не знал такой любви... У меня были моменты, когда я мог бы сгореть... воскликнуть: «Я счастлив!.. я безумно счастлив!!!» Но момент проходил, и тогда снова ничего!.. Я, действительно, только бродяга и во время своих скитаний живу... Если бы я отправился по определенным рельсам жизни, я сделался тем же, что представляет собой и ваш супруг...

А н а (делает движение).

Рославской. Простите, я хотел сказать, таким положительным... (пауза) Итак, все к лучшему в этом лучшем из миров... Я не знаю, что сказать... вам... посоветовать... Придет время, и вы оттолкнете его, уйдете... будете свободны... но «пока солнце взойдет, роса очи выест!..» (Замечая Энгельбрехта, идущего с гитарой в руках). А вы помните вашу любимую... «В жизни кто оглянется...»

А н а. Теперь я все забросила...

Рославской. Спойте!.. Аночка, хорошая, спойте! (Машет рукой Энгельбрехту).

А н а. (Энгельбрехту). «Спи, моя желанная...»

(Энгельбрехт настраивает гитару... Подходят гости...).

А н а (поет):

В жизни, кто оглянется,
Тот во всем обманется... (до конца...)
(Аплодисменты)

Рославской. Merci...

А н а. Прочтите вашу «Толпу»!..

Рославской. Ей-Богу, забыл...

Энгельбрехт (становясь в позу).

А мне мила толпа...

Непостоянная, крикливая, лихая...

И песни буйные и ласковый напев...

И плечи бархатны, и очи смуглых дев...

Шампанского струя искристо-золотая!..

Finita la comedia! Простите, дорогая подруга, для большего экспромта было слишком мало времени. (Отходит к одной из дам и о чем-то ее упрасивает... Она, в сопровождении нескольких гостей, выходит...)

Рославской. Хорошо напомнил! Сейчас! (Идет к телефону). Дайте 77-02! Мегси!.. Позовите Василия!.. Здравствуй, я! Сейчас же тащи весь хор!.. Почему? Через час?! Глупости... Закрывайте ресторан и являйтесь!.. Сейчас же!.. Мне все равно, что хотите, то и говорите... Что? Чек на сезонный заработок всего хора! Я бросаю трубку... (Отходя). Будут!.. За деньги все сделают! Недавно я нашей знаменитой камер-глотке говорю: «Митька, сколько возьмешь, чтобы “Не шей ты мне, матушка”... на четвереньках пропеть?..» Он было драться, а потом: «Давай все твои капиталы — тогда пропою...». «Ладно, — говорю, — парень, и для тебя, значит, цифра имеется!.. С той поры и не ездит!..

Илья. По пословице... «Семь раз пригрей — а один раз нарежь!»

Явление VII

(Выходит 1-я дама в костюме «Саломеи». Энгельбрехт

тушит свет... Она танцует в лучах луны... «Танец семи покрывал»... Аплодисменты... За сценой шум... Крики: «Цыгане приехали»... Все гости с шумом выходят к цыганам... За сценой начинается цыганское пение... Свет только от луны... Снег в окне отливает перламутром... Мало-помалу расцветает...)

(На сцене Рославской и А н а).

А н а. Не говорите о нем!

Рославской. И ты мне это говоришь, Ана?! Мне!.. который ненавидит его!.. Мне, которому постоянно мерещится он, спокойный, самоуверенный, он!.. твой владелец!

А н а (зажимает уши). Замолчите же! Ты знаешь, что я ненавижу его... Не люблю!..

Рославской. Кого же ты любишь, Ана?

А н а (подавленно). Не знаю...

Рославской. Я... И он... Чем он выше меня?.. Почему он, как собственник, как должное — берет тебя, берет всю, не отдавая ничего взамен! Я же за сотую, миллиардную долю того, что он имеет, отдал бы все... Всю мою жизнь... (Ласкает ее). У меня, Ана, не было ни одного человека, властителя моих дум... Души... Ни одного! Ана!.. Умерла мать... Я не плакал... Ана... Умер отец, умер мой товарищ, с которым я рос... и в душе которого были отзвуки моей души... и его у меня... и тут, Ана, клянусь, у меня не было слез... не было печали... Я искал ее и не находил... Память о них не шла далее моего рассудка... не шла в сердце... (пауза). Люди для меня предметы... неодушевленные предметы... мебель... Мне хочется пить шампанское — я пью... сидеть на диване — я сижу... разговаривать, быть близким... я разговариваю... открываю свою душу — только потому, что я так хочу, Ана!.. Я не спрашиваю у дивана, желает ли он, чтобы я на нем сидел, я не спрашиваю у человека, желает ли он видеть меня, говорить со мной... Сломается ли диван, или человек, говорящий со мной, поворачивается ко мне спиной... Я ухожу и ищу то и другое — другое!.. Нет привязанности... Нет авторитета... Есть только мебель...

А н а. Значит, и я мебель?

Рославской. Не знаю!..

(Громадная пауза. Слышно цыганское пение).

А н а. Что ты делал последнее время?

Рославской. Что делал?.. Работал!.. все время работал... Где был, ты знаешь!.. Все это записано, заштемпелевано... Работал и зарабатывал... Зарабатывал и ездил... Проехал сотни, тысячи верст, испробовал десятки профессий... И в ту минуту, когда я обживался на месте всего несколько дней, меня уже тянуло дальше... манило... мучило... И я снова ехал.. ехал на пароходе, в вагоне, на лодках, на лошадях, на автомобиле, шел пешком!.. Снова и снова очутившись где-нибудь без гроша, я голодал... Находя работу, работал и снова ехал.. Последнее баловство, вернее, насмешка судьбы — золото... застало меня врасплох! Если взять котенка или щенка и долго кружиться с ним на месте, затем выпустить на пол, то его положение будет точно такое же, в каком очутился я в один прекрасный день... Мне надо было «развертеться»... — упали деньги. . Я стал продолжать ту самую жизнь, от которой было ушел... (пауза). Даже тогда, когда я увлекался крайним великим учением, даже и тогда у меня не было веры и мне теперь непонятны, смешны любой энтузиазм... воодушевление... У меня нет веры... Я завидую любой старухе, которая плачет в церкви... Тому, что она все-таки во что-то верит... Я хотел бы поверить, поверить слепо... в Бога, в Провидение... В разум... в кого угодно и во что угодно... но я не могу... Нет веры... (Пауза).

А н а. Вы как непроявленная пластинка.

Рославской. «Непроявленная пластинка»... Вроде этого... (Пауза)... Изредка я приезжаю сюда с ними... они веселятся, и я сижу у этого окна и думаю:

Нет, не будет счастья мне,
Вечно я в каком-то сне,
В сладком сумраке дремоты,
Мнятся мира мне красоты.
Сердце их не позабудет —
И не будет счастья мне...

Нет, не будет!
Я хочу, чтоб сказкой вечной,

Дымкой легкой, быстротечной
Жизнь вилась вокруг меня,
Лаской, грезой маня,
Мрак и холод все погубит —
И не будет счастья мне,
Нет, не будет!..

(Пауза).

Рославской (безучастно смотрит, лаская Ану).

А н а (после стихов как в трансе). А ты помнишь свою
«Хризантему»?

Рославской. (Вздрагивает... задумывается, широко раскрыв глаза... делает страшные усилия, чтобы овладеть собой и казаться спокойным).

А н а. Что с тобой?

Рославской. Много выпил шампанского... (Его бьет нервная дрожь, он незаметно опускается около Аны на колени и кладет ей голову на грудь). Моя милая Ана! Моя Ана. (Целует ее).

А н а (смотря вдаль).

Белеет парус белоснежный
Вверху в океане голубом,
Внизу земля... Простор безбрежный
С его печалью и злом...
Покинул все пилот могучий,
Средь облаков один летит,
И скрылся он в нависшей туче,
Окутан ею и сокрыт...
Пускай сорвется волей рока,
Всю землю кровью обогрив,
Он видит солнце смелым оком,
Он бодр, и весел, и счастлив...

(Замолкает... Рославской берет ее голову и целует в губы... Она вздрагивает, перестает владеть собой... безумно, страстно он начинает ее целовать)...

Рославской. ...Сейчас любишь?

А н а. Да!..

(Они полулежат... за сценой опьяняющие звуки музыки... Экстаз... Он подносит к губам руку, на которой кольцо... как бы уколол палец... В его движениях заметно что-то судорожное... болезненное... Его поцелуи все слабее и слабее... Он как бы сползает... Его голова у нее на коленях).

А н а (немного придя в себя, шепотом). Что с тобой? Тебе нехорошо? (Целует в лоб, стараясь привести его в чувство).

Рославской (восторженно смотрит на нее). Я счастлив! Я безумно счастлив! (Холодеет, обнимая ее).

(А н а долго смотрит на него... Затем, поняв, что случилось, старается освободиться от его объятий... Продолжительно, ужасно, нечеловечески кричит... Музыка умолкает раньше, чем кончается крик Аны... Она в глубоком обмороке... Тишина... Солнце взошло и бросает на них свои первые золотые лучи)...

З а н а в е с

АНАРХИСТ ТРОЯНОВ

Сам себя он характеризовал в стихах, которые писал вообще недурно и очень легко:

И хулиган из хулиганов
Известный анархист Троянов!

Первая строка была гораздо ближе к действительности; хотя в годы моего студенчества Троянов был известен всему Московскому университету, но, правда, скорее как «вечный студент», чем как анархист. Он появлялся на всех тогда бесчисленных сходках, всегда в черной рубашке, просил слова и, обращаясь к тысячной аудитории, убеждал ее:

— Товарищи, докажем, что мы не бараны: проведем сходку без председателя!

Молодежь — первокурсники, слышавшие это впервые, — смеялась, «старики» отмахивались: «Троянов, старо». И выбирали целый многопартийный президиум (для взаимного контроля), облепивший всю кафедру, на которой президиум помещался. Анархистом он был не боевым, а мирным. И весь его анархизм выражался в неустанной борьбе со всеми установленными политическими, тогда среди большинства студентов революционными, но еще больше с бытовыми «канонами». По существу же он был талантливым комическим артистом, но игравшим не на сцене, а в жизни. Комичности его «игры» отчасти содействовала и его внешность. Высокий, стройный, с правильными чертами лица и сугубо строгим, серьезным и повелительно-торжественным выражением. Эффект комизма достигался именно благодаря полному контрасту этой наружности со всеми его выступлениями.

Постоянной квартиры у Троянова, конечно, не было, и

чем он жил — сказать трудно. Как-то около месяца он жил у брата, придя к нему и объявив, что остается у него жить... Вечером он с серьезным видом попросил ему дать несколько газет, расстелил их на полу и, не раздеваясь, лег спать, подложив под голову маленький чемоданчик.

— Троянов, что ты делаешь? Есть же кровать.

— А я уже привык так спать у некоторых товарищей на «Русском слове». Впрочем, ведь вы не демократы.

Он стал усиленно заниматься, кажется, после долгого перерыва, даже сдал какой-то экзамен, но весной куда-то внезапно, как и появился, исчез. Осенью прошел слух, что он женился на богатой купчихе. И в начале зимы он появился в университете, в столовой Общества юристов, соответственно облаченный. Шикарная доха, цилиндр, трость с набалдашником, в глазу монокль и с сигарой в зубах. Его, конечно, окружила целая толпа:

— Троянов, ты ли это? Расскажи, как живешь, разбогател?

Один из дежурных членов столовой, недовольный импровизированной сходкой, сделал ему замечание:

— Троянов, здесь нельзя курить.

— Ничего, я не затягиваюсь.

И начались рассказы о его новой жизни, все, конечно, в сугубо серьезном тоне: о его фантастических отношениях с родителями его жены, людьми простыми, и о том, как он проводит свой день. Помню только, что кофе утром он всегда, «разумеется», пьет в постели, а когда идет в уборную, то граммофон должен играть «Я уголок свой убрала цветами...». Хулиганил он в университете по-прежнему, но теперь уже в сугубо презрительном стиле. Однажды он появился на каком-то студенческом собрании, очень скучном, но на котором представители всех студенческих партийных фракций считали нужным сразиться. Председательствовал эсер Г. Он был ярким блондином, с круглым и румяным лицом. Троянов, ко всем всегда обращавшийся на «ты», очень зло прозвал Г. Матреной и неизменно так к нему и обращался. Г. приходил от этого в бешенство. Явился Троянов на собрание в своей дохе и цилиндре и сел на самой верхней лав-

ке аудитории-амфитеатра. Это уже не предвещало ничего хорошего. Первокурсники, с «должным» почтением слушавшие речи «лидеров», все-таки иногда с нетерпением поглядывали наверх: «Что-то доха сегодня выкинет?» Наконец он начал. Попросив слова, он с самым серьезным видом стал говорить, что студенчество — авангард культуры, и упрекал председателя в том, что он забыл о важном событии. Умышленно длинная и очень внешне складная речь закончилась предложением почтить память только что скончавшегося Полонского вставанием. Председатель смешался. Всем было ясно, что это издевка, но отказать нельзя. Почти-ли. Прошло еще минут десять. Троянов стал громко зевать. Председатель призвал его к порядку.

— Слушай, Матрена, очень скучно, пора кабаре начинать. Если ты сам ничего не приготовил, то я могу выступить, например, изобразить открытие Северного полюса Пири и Куком. Вот приходит белый медведь.

Он вывернул свою доху наизнанку и взял цилиндр в зубы. Глубоко возмущенный, Г. предложил исключить его из собрания.

— Не хочешь, не утруждай товарищей голосованием, я и сам уйду, мне пора к Яру, — и он начал медленно спускаться на четвереньках по ступенькам амфитеатра, затем подполз к кафедре, понюхал ее, повернулся к ней задом и стал закапывать ее «задними ногами». Затем встал, театрально раскланялся, опустив цилиндр до земли, помахал аудитории «ручкой», поедая воздушный поцелуй «Матрене» и отбыл. Смеялись даже лидеры.

Во время какой-то обостренной партийной борьбы, когда недовольные решением сходки требовали постановки вопроса на референдум, в одном из коридоров университета на стене появился огромный плакат. На нем выделялась только огромная цифра 606 (только что изобретенное перед этим средство от сифилиса)*; а за этой цифрой, занимав-

* В 1909 г. Пауль Эрлих создал на основе мышьяка препарат «606» для лечения сифилиса, получивший затем фирменное название сальварсан, и организовал в невиданных масштабах его испытания. Он бесплатно

шей полплаката, мелким шрифтом было написано: «...и более подписей нужно для того, чтобы добиться референдума».

Студенты проходили мимо, останавливались, читали и смеялись: «Ну, конечно, Троянов». Как рассказывали, жена его обожала и исполняла все его прихоти. Правда, с ним было всегда очень весело, и характер у него был прекрасный. Но однажды, вернувшись домой, она нашла только его письмо. Он просил у нее прощения, но говорил, что не может больше выдерживать нормальной культурной жизни и уходит, оставив ей буквально все вещи, купленные после свадьбы, и надев свою старенькую студенческую тужурку. Опять он исчез с горизонта. Вдруг брат написал мне, что в Москве появился Троянов, которому негде жить, и что он пригласил его к нам на лето в имение. Я пришел в большое смущение: приглашать Троянова в семейный дом?.. Но отменять приглашение было неудобно. Троянов приехал и почти полностью оправдал доверие. Правда, дразнил он весь дом от гувернантки и горничной, у которой для развлечения воровал варенье и которой почему-то вместо Вениамина Иванович было легче выговорить Жасмин Иванович, и до детей. Как прирожденный артист, он всех, но очень прилично, целый день развлекал. Почти ежедневно появлялись сатирические стихотворения, в том числе и на самого себя. Троянов простудился. Его напоили горячим «чаем» из малины и заставили принять аспирин. На другой день — уже длинное стихотворение, кончавшееся:

От малины с аспирином
Вздуло козырем живот.
Но, увы, сию скотину
Ничего уж не берет.

Как-то я попросил его мне помочь перекатить с одного

рассылал препарат по всему миру (в том числе и в Россию), ставя лишь два условия — лечить им безвозмездно и присылать ему отчеты.

места на другое тяжелые бревна, предназначенные для какой-то постройки. Он покряхтел, но помог, а вечером уже готово:

Теперь катает он дубины,
Как прежде «левых» он катал.

Одна гостившая у нас барышня много возилась с младшими детьми, читала им, развлекала их, гуляла с ними и т. д. Как-то, уйдя далеко на прогулку с детьми, они попали под сильнейший ливень:

И теперь такая статья,
Дождь когда — тогда гулять,
А когда сияет солнце
«Коперфильдеть» у оконца.

Гувернантка уезжала в отпуск в Ригу. Ей предстояла в Орле пересадка. И она очень беспокоилась, что не сумеет найти нужный поезд. Троянов сейчас же вызвался составить ей подробный маршрут. Он попросил у меня бумаги, а у детей краски и клей, заперся с утра у себя в комнате и к обеду торжественно появился вместе со своим «маршрутом». Это оказалась склеенная из многих листов бумаги огромная длинная лента. В ней была в красках полная картина путешествия. Проводы у крыльца со всеми чадами и домочадцами, деревенский вокзал, потом Орел — пункт пересадки, в одном месте начальник станций, взяв под козырек в красной фуражке, вытянувшись, левой рукой показывал на дверь, на которой красовалась по-немецки надпись «аборт»*. А в конце — Рига и встреча с родными. Увидав этот подчеркнуто идиотский плакат, я испугался, что старая «фрейлейн» обидится, но она была в восторге и взяла его себе на память...

* Abort (нем.) — отхожее место, уборная.

Я куда-то уехал. За неделю моего отсутствия Троянов, которого я иногда придерживал, выкинул одну довольно остроумную шутку. Был праздник, почти все рабочие ушли домой в соседние деревни, но два остались, напились и жестоко подрались. С усадьбы прибежала в дом людская кухари и сказала, что «Иван до смерти убьет Петьку, надо разнять, может, Жасмин Иванович поможет?». Троянов охотно принялся за дело. Он пришел на людскую и увидел, что один уже сидит на другом и доколачивает его.

— Что же ты дурака валяешь, только время даром тратишь, бери топор! — закричал Троянов.

— Топор? — удивился победитель.

— Бери топор, бей по башке, сразу дело кончишь: он на тот свет, а та на каторгу.

Эффект получился полный: пьяный победитель очухался и, ругаясь, ушел «обмыться», а на побежденного Троянов вылил ведро холодной воды и уложил спать.

Наступила осень. Мы собрались уезжать в Москву. Вдруг Троянов заявил, что он остается у нас в деревне на зиму: «Прекрасный дом, удивительный дом! Кто только здесь не жил в гостях: и разорившийся князь, и лишенный прихода поп, оба с семьями, а теперь и знаменитый хулиган. Я буду писать в тишине драму».

— Ну, оставайся.

Мы уехали. Через неделю звонок. Троянов.

— Что с тобой, уехал?

— Да знаешь, скучно стало: «грачи улетели» и все прочее. Но ты извини, я забыл у тебя взять денег, и пришлось продать твой велосипед и меховую куртку на станции, чтобы доехать.

— Троянов, ну что ты за свинья! Зачем ты это сделал?

— Для запутанности положения.

Это была его любимая формула.

«Для запутанности положения» он вскоре уехал, кажется, во Владимирскую губернию и ухитрился втереть очки уездному исправнику, тоже для хулиганства, занять место станового пристава, а скорее — урядника. Но скоро бросил

и появился опять в Москве. И в Охотничьем клубе* была поставлена его драма, очень тогда «современная»: с трагической любовью, цыганами, дачей «Черный Лебедь»** и отравлением двух любовников в конце в отдельном кабинете. Мне все эти литературные гурманские пряности не понравились, но пьеса имела успех. Куда он девался потом — не знаю. Может быть, был убит на войне, может быть, выжил, может быть, стал каким-нибудь комиссаром. Но если и стал, то вряд ли надолго. Человек был добрый, и слишком много у него было юмора.

* Имеется в виду Русский охотничий клуб, который с 1892 г. располагался на Воздвиженке, в бывшем Шереметевском дворце. Там имелось помещение для театральных спектаклей, в котором играли любительские труппы.

** «Черный лебедь» — такое название носила известная богемной атмосферой вила издателя «Золотого руна» Н. П. Рябушинского, находившаяся в Петровском парке.

ОБ АВТОРЕ

Вениамин Иванович Троянов (?— 1929?) — драматург, прозаик. Анархист. Учился в Московском университете.

В 1912 г. написал насыщенную автобиографическими мотивами пьесу «Хризантема: (Сказка старого студента)», не без успеха поставленную на сцене в московском Охотничьем клубе и вышедшую отдельным изданием в Москве в 1913 г.

После революции выступал в печати под псевдонимом «Иваныч». Опубликовал книги «Красный раек: (Царское наследство). Революционная сатира в народных песнях» (Новгород, 1920; 2-е изд. М., 1920); «Так будет: Агит-пьеса в 1-м акте (М., 1920, как минимум четыре изд.).

В 1922 г. по заказу Редакционно-Издательского отделения Центрального Комитета Всесоюзного Союза рабочих пищевой и вкусовой промышленности сочинил шпионскую повесть «Первая схватка: (Из записок пекаря Лисичкина)» (М., 1922).

Последняя известная книга — «Аврорец: (Земля горит). Пьеса в 10 картинах» (М.-Л., 1926).

По сообщению парижского анархистского журнала «Дело труда» (№ 46-47, март-апрель 1929), писал сатиры на «властей держащих», был арестован ОГПУ и покончил с собой в заключении.

Все включенные в книгу произведения публикуются по первоизданиям с исправлением наиболее очевидных опечаток; орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

Фрагмент из воспоминаний Н. А. Цурикова и примечания к нему публикуются по книге автора «Прошлое» (М., 2006).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.